

Любовь показывает нас такими, какими мы хотим быть.
Война показывает нас такими, какие мы есть.

КРИСТИН ХАННА

№ 1 ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

Соловей

Кристи́н Ханна
Соловей

«Фантом Пресс»

2015

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Ханна К.

Соловей / К. Ханна — «Фантом Пресс», 2015

ISBN 978-5-86471-739-4

Франция, 1939-й. В уютной деревушке Карриво Вианна Мориак прощается с мужем, который уходит воевать с немцами. Она не верит, что нацисты вторгнутся во Францию... Но уже вскоре мимо ее дома грохочут вереницы танков, небо едва видать от самолетов, сбрасывающих бомбы. Война пришла в тихую французскую глушь. Перед Вианной стоит выбор: либо пустить на постой немецкого офицера, либо лишиться всего – возможно, и жизни. Изабель Мориак, мятежная и своенравная восемнадцатилетняя девчонка, полна решимости бороться с захватчиками. Безрассудная и рискованная, она готова на все, но отец вынуждает ее отправиться в деревню к старшей сестре. Так начинается ее путь в Сопротивление. Изабель не оглядывается назад и не жалеет о своих поступках. Снова и снова рискуя жизнью, она спасает людей. «Соловей» – эпическая история о войне, жертвах, страданиях и великой любви. Душераздирающе красивый роман, ставший настоящим гимном женской храбрости и силе духа. Роман для всех, роман на всю жизнь. Книга Кристин Ханна стала главным мировым бестселлером 2015 года, читатели и целый букет печатных изданий назвали ее безоговорочно лучшим романом года. С 2016 года «Соловей» начал триумфальное шествие по миру, книга уже издана или вот-вот выйдет в 35 странах.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-739-4

© Ханна К., 2015
© Фантом Пресс, 2015

Содержание

Один	7
Два	10
Три	14
Четыре	19
Пять	27
Шесть	33
Семь	36
Восемь	47
Девять	59
Десять	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кристин Ханна Соловей

THE NIGHTINGALE by Kristin Hannah Copyright
© 2015 by Kristin Hannah

Книга издана с любезного разрешения Jane Rotrosen Agency LLC и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Мария Александрова, перевод, 2016
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2016

* * *

Один

9 апреля 1995 года

Побережье Орегона

Если я чему и научилась за свою долгую жизнь, то именно этому: любовь показывает нас такими, какими мы хотим быть, а война показывает нас такими, какие мы есть. Нынешние молодые хотят знать все обо всех. Они думают, что, разговаривая о проблемах, смогут их разрешить. Но я из поколения не столь бойкого. Мы знаем, как важно забывать и порой поддаваться искушению начать все заново.

Впрочем, в последнее время я все же вспоминаю и о войне, и своем прошлом, и о людях, которых потеряла.

Потеряла.

Звучит так, словно я обронила своих любимых невест где, оставила их в каком-то случайном месте и по глупости не сумела отыскать.

Нет, они вовсе не потеряны. Они просто ушли. И сейчас в лучшем мире. Я живу уже долго и знаю, что такая заноза, как тоска, проникает в нашу ДНК и становится частью нашего естества.

После смерти мужа я вдруг начала стремительно стареть, а новость о диагнозе только ускорила этот процесс. Кожа моя сморщилась и сделалась будто использованная воцеленная бумага, которую пытались разгладить, чтобы еще раз пустить в дело. И зрение все чаще подводит – в темноте, при свете фар, во время дождя. Эта новая ненадежность мира лишает меня присутствия духа. Наверное, потому я и оглядываюсь чаще в прошлое. Там я нахожу ту ясность, которой лишилось для меня настоящее.

Хочется верить, что, уйдя, я обрету мир, встречу всех, кого любила и потеряла. По крайней мере, меня простят.

Но себя не обмануть, верно?

Мой дом, названный лесным магнатом, что построил его больше сотни лет назад, «Пики», выставлен на продажу. Я готовлюсь к переезду, потому что мой сын считает, что так правильно.

Он старается заботиться обо мне, показать, как сильно меня любит в эти трудные времена, и я мирюсь с его стремлением всем руководить. Какая разница, где умирать? Вот уж проблема, право. И какая разница, где доживать? Упаковываю свою орегонскую жизнь; на этом берегу я осела почти полвека назад. Немного хочется забрать с собой. Но есть одна вещь.

Тяну ручку складной чердачной лестницы. Лестница спускается с потолка, раскрывая ступеньки одну за другой, будто джентльмен, любезно протягивающий руку.

Хлипкие ступеньки прогибаются под ногами, пока я медленно взбираюсь на чердак, пахнущий затхлостью. С потолка свисает единственная лампочка. Поворачиваю выключатель.

Это как оказаться в трюме старого парохода. Деревянные дощатые стены; паутина серебром окутывает углы, клубками собираясь в щелях между досками. Потолок такой низкий, что в полный рост я могу выпрямиться только в самом центре чердака.

Кресло-качалка, которым я пользовалась, когда внуки были маленькими, старая детская кровать, ободранная лошадка-качалка на заржавевших пружинах и кресло, что дочь отреставрировала, уже заболел. Вдоль стены выстроились подписанные коробки: «Рождество», «День благодарения», «Пасха», «Хэллоуин», «Спорт». Там вещи, которые мне больше не пригодятся, но с которыми я не в силах расстаться. Не могу я признать, что больше не наряжать мне рождественскую елку, – это все равно что сдаться, а этого я никогда не умела. Нужно мне обнаруживается в дальнем углу: старый кофр, облепленный дорожными наклейками.

С трудом выволакиваю тяжелый кофр на середину, прямо под свет лампочки. Опускаюсь на колени, но боль в суставах вынуждает перекатиться на ягодицы.

Впервые за тридцать лет приподнимаю крышку. Верхнее отделение набито детскими мелочами: крошечные пинетки, песочные формочки, карандашные рисунки – сплошь человечки и улыбающиеся солнышки, – школьные табели, фотографии детских праздников.

Осторожно вынимаю верхнее отделение и откладываю в сторону.

На дне кофра свалены в беспорядке реликвии: несколько выцветших блокнотов в кожаных переплетах; стопка старых открыток, перевязанная голубой атласной ленточкой; помятая с одного угла картонная коробочка; несколько тоненьких книжечек со стихами Жюльена Росиньоля; обувная коробка с кучей черно-белых фотографий.

А сверху – пожелтевший лист бумаги.

Руки дрожат, когда я решаюсь взять его. Это *carte d'identité*, удостоверение личности военного времени. Долго смотрю на крошечное фото молодой женщины. *Juliette Gervaise*.

– Мама?

Сын поднимается по скрипучим ступеням, шаги звучат в такт биению моего сердца. Наверное, уже не первый раз меня окликает.

– Мама! Не надо тебе сюда забираться. О черт, лестница ненадежная. – Он останавливается рядом. – Споткнешься ненароком и...

Чуть похлопываю его по ноге, качаю головой, не в силах взглянуть на него.

– Присядь, – шепчу.

Он опускается на колено, потом садится рядом. От него пахнет лосьоном после бритья, тонким и пряным, и еще немножко табаком – курил потихоньку на улице. Он бросил много лет назад, но вновь начал, узнав о моем диагнозе. У меня нет оснований ворчать: он врач, ему лучше знать.

Первым побуждением было сунуть бумагу в кофр и поскорее захлопнуть крышку. С глаз долой. Именно так я поступала всю жизнь.

Но сейчас я умираю. Может, и не так быстро, но и не чересчур медленно, и чувствую, что должна все же спокойно взглянуть на прожитые годы.

– Ты плачешь, мам.

– Разве?

Хочу рассказать ему правду, но не выходит. И меня смущает собственная робость. В моем возрасте уже можно ничего не бояться – уж точно не собственного прошлого.

Но меня хватает только сказать:

– Я хочу забрать этот кофр.

– Он слишком большой. Я переложу вещи в коробку поменьше.

Я ласково улыбаюсь его желанию опекать меня.

– Я люблю тебя, и я больна, поэтому позволяю тебе помыкать мною. Но пока я жива. И хочу забрать этот кофр.

– Ты уверена, что тебе действительно необходима вся эта ерунда? Это ведь только наши рисунки и прочий хлам.

Если бы давным-давно я рассказала ему правду, если бы позволяла себе больше петь, пить и танцевать, может, он и сумел бы разглядеть в своей беспомощной скучной матери *меня*. Он любит несколько неполную версию. А ведь именно этого мне всегда хотелось: чтобы меня не только любили, но и восхищались мной. И наверное, мне хотелось бы всеобщего признания.

– Считаю это моей последней просьбой.

Он явно рвется возразить, мол, чтобы я не говорила так, но боится, что голос дрогнет.

– Ты уже дважды справлялась, – откашлявшись, наконец выдавливает сын. – И справишься сейчас.

Мы оба знаем, что это неправда. Я слишком слаба. Только благодаря нынешней медицине я могу пока спокойно спать и нормально есть.

– Ну конечно.

– Я просто забочусь о тебе.

Я улыбаюсь. Американцы такие наивные.

Когда-то давно я разделяла его оптимизм. Считала мир безопасным местом. Но очень давно.

– Кто такая Жюльет Жервэ? – спрашивает Жюльен, и я вздрагиваю.

Прикрываю глаза. В темноте, пахнувшей плесенью и прошлым, память принимается переворачивать листки календаря, тянется сквозь годы и континенты. Против воли – а может, именно согласно ей, кто знает? – я вспоминаю.

Два

*Свет погас над Европой.
И никогда больше в нашей жизни мы не увидели его.
Сэр Эдвард Грей, о Первой мировой войне*

Август 1939-го Франция

Вианна Мориак вышла из холодной кухни во двор. Чудное летнее утро в долине Луары, все цветет. Белые простыни на веревке хлопают под порывами ветра, розовые кусты льнут к старой каменной ограде, укрывающей уютный уголок от посторонних глаз. Пара трудолюбивых пчел озабоченно жужжит среди цветов; издали доносится пыхтение паровоза, а затем залихватский девчоночий смех.

Софи.

Вианна улыбнулась. Восемилетняя дочь, наверное, бегает по дому, беспрерывно теребя отца, который покорно бросает дела, чтобы стать участником ее забав, – это они так собираются на субботний пикник.

– Твоя дочь – настоящий тиран. – В дверях возник улыбающийся Антуан, аккуратно причесанные волосы блестят на солнце.

Все утро он работал: шлифовал новый стул, и без того гладкий, как атлас, и тонкий слой древесной пыли припудрил его лицо и плечи. Антуан крупный, высокий, плечистый, на круглых щеках пробивается темная щетина.

Он обнял ее, притянул ближе:

– Люблю тебя, Ви.

– И я тебя.

И это самая абсолютная истина в ее мире. Она любит в этом мужчине все: как он улыбается, как бормочет во сне, как смеется, чихнув, как поет в душе оперные арии.

Она влюбилась в него пятнадцать лет назад, на школьном дворе, раньше, чем узнала, что такое любовь. Он стал ее первым всем – первый поцелуй, первая любовь, первый любовник. До встречи с ним она была худой, неловкой и нервной девчонкой, начинавшей заикаться при малейшем испуге, а пугалась она частенько.

Сиротка, выросшая без матери.

– *Теперь ты взрослая*, – сказал отец, когда они впервые пришли в этот дом.

Ей было четырнадцать, глаза распухли от слез, горе невыносимо. В одно мгновение дом из уютного семейного гнездышка обратился в тюрьму. Мама утасовала в две недели, а папа отказался быть папой. Входя с ней в дом, он не держал ее за руку, не обнимал за плечи, даже не протянул платок, чтобы утереть слезы.

– *Н-но я же еще маленькая*, – пролепетала она.

– *Уже нет.*

Она опустила глаза на сестру. Изабель всего четыре, она безмятежно сосала палец и понятия не имела, что произошло. Только все спрашивала, когда же мама вернется.

Дверь отворилась, высокая худая дама с носом, похожим на водопроводный кран, и темными глазами-изюминками недовольно буркнула с порога:

– *Вот эти девицы?*

Папа кивнул:

– *Они не доставят вам хлопот.*

Все случилось слишком быстро. Вианна не успела понять, что происходит. Отец сдал своих дочерей, как грязное белье в стирку, оставил их с чужим человеком. Разница в возрасте между девочками была так велика, что они словно и родными не были. Вианна хотела утешить

Изабель – во всяком случае, старалась, – но сама так страдала, что не в силах была думать о ком-то, кроме себя, особенно если речь шла о таком своевольном, капризном и шумном ребенке, как Изабель. Вианна до сих пор помнила первые дни здесь: Изабель визжит, Мадам ее шлепает. Вианна вступалась за сестренку, раз за разом умоляла: «Господи, Изабель, прекрати верещать. Просто делай, что велено». Но даже в свои четыре Изабель была неуправляема.

Вианна была полностью раздавлена – утратой матери, предательством отца, внезапным изменением всей жизни, – да в придачу еще вечно липнущая Изабель, которой тоже нужна мама.

Спас ее Антуан. В то лето после смерти мамы они стали неразлучны. В нем Вианна обрела опору и убежище. В шестнадцать она уже была беременна, в семнадцать вышла замуж и стала хозяйкой Ле Жарден. Два месяца спустя у нее случился выкидыш и она вновь впала в депрессию. Погрузилась в горе и закуклилась в нем, не в силах заботиться о чем-то и ком-либо – уж точно не о вечно ноющей семилетней сестре.

Но все это в прошлом. В такой чудесный день, как сегодня, не хочется вспоминать о печальном.

Она прильнула к мужу, дочка подбежала к ним, радостно объявила:

– Я готова, идем!

– Что ж, – улыбнулся Антуан, – раз принцесса готова, мы должны поторапливаться.

Улыбка не сходила с лица Вианны все время, пока она бегала в дом за шляпкой. Соломенная блондинка с фарфорово-белой кожей и небесно-голубыми глазами, она всегда пряталась от солнца. Когда она пристроила наконец широкополую шляпу, отыскала перчатки и подхватила корзинку для пикника, Софи с Антуаном уже были за воротами.

Вианна выбежала следом. Грунтовая тропа достаточно широка даже для автомобиля, а дальше расстилались акры и акры зеленых лугов в брызгах красных маков и голубых васильков. Кое-где небольшие рощицы. В этой части долины Луары преобладали луга, а не виноградники. Меньше двух часов на поезде от Парижа, а будто совсем другой мир. Сюда почти не заглядывали отдыхающие, даже летом.

Время от времени, конечно, мимо прорычит автомобиль или проедет велосипедист или телега, но по большей части дорога пуста. Они живут примерно в миле от Карриво, городка с населением в тысячу душ, известного исключительно тем, что здесь останавливалась Жанна д'Арк. В городишке нет никакой промышленности, а значит, и никакой работы – разве только на аэродроме, гордости Карриво. Аэродром этот – единственный на всю округу.

В самом городке узкие булыжные улочки петляют между старинными домами, тесно лепящимися друг к другу. Из древней кладки сыплется штукатурка, плющ скрывает следы разрушения, но дух угасания и упадка, невидимый глазу, пронизывает здесь все. Деревня строилась и разрасталась долго и неторопливо – кривые улочки, неровные ступени, тупички, – сотни лет. Каменный фон немного оживляют яркие акценты: красные маркизы в рамках из черного металла, чугунные балконные решетки, цветы герани в терракотовых горшках. Глазу было на чем задержаться: витрина с пирожными, грубо плетенные корзины с сыром, окороками и *saucisson*¹, ящики с яркими помидорами, баклажанами и огурцами. В этот солнечный денек во всех кафе битком. Мужчины пили кофе, курили самокрутки и громко что-то обсуждали.

Обычный день в Карриво. Мсье Ла Шо подметает тротуар перед своей *saladerie*², мадам Клоне моет окно шляпной мастерской, группа подростков шляется по улицам – мальчишки пинают невесту где найденную жестянку и курят одну сигарету на всех, передавая друг другу.

На окраине города они свернули к реке. Выбрав удобную полянку на берегу, Вианна расстелила одеяло в тени каштана, достала из корзинки хрустящий багет, клин жирного сли-

¹ Колбаса (фр.).

² Кафетерий (фр.).

вочного сыра, пару яблок, несколько ломтиков байонской ветчины и бутылку «Боллинджера» 36-го года. Наполнив бокал шампанским, присела рядом с мужем. Софи радостно скакала по берегу.

День прошел словно в теплой умиротворяющей дымке. Они болтали, смеялись, закусывали. И лишь далеко за полдень, когда Софи убежала подальше с удочкой, Антуан, плетя для дочери венок из маргариток, произнес:

– Скоро Гитлер втянет нас всех в свою войну.

Война. О ней судачили все вокруг, но Вианна не желала ничего слышать. Особенно в такой прекрасный день.

Приложив ладонь ко лбу, она присматривала за дочерью. Земли на другом берегу Луары были аккуратно возделаны. На мили вокруг никаких заборов и изгородей, только зеленые поля с редкими деревьями да разбросанными кое-где сарайчиками. Крошечные облачка пуха парили в воздухе.

Поднявшись на ноги, она громко хлопнула в ладоши:

– Софи, пора домой!

– Невозможно делать вид, что ничего не происходит, Вианна.

– Я что, должна готовиться к неприятностям? Но ты же здесь и сможешь позаботиться о нас.

С улыбкой (возможно, чересчур ослепительной) она собрала в корзинку остатки пикника, и семейство двинулось в обратный путь.

Меньше чем через полчаса они уже стояли у крепких деревянных ворот Ле Жарден, старинного дома, в течение трех столетий бывшего родовым гнездом ее семьи. Двухэтажный особняк, окрашенный временем в десяток оттенков серого цвета, смотрел в сад голубыми ставнями окон. Плющ вползал по стенам до самых водостоков, сплошным покровом окутывая кирпич. От прежних владений осталось всего семь акров, прочие двести были распроданы за двести лет, пока благосостояние рода постепенно угасало. Вианне вполне хватало и семи. Она и не представляла, к чему ей больше.

Над плитой в кухне медные и чугунные сковородки и кастрюли, с потолочных балок свисают пучки лаванды, розмарина и тимьяна. Медная раковина, позеленевшая от времени, такая большая, что в ней запросто можно купать собаку.

Там и сям облупившаяся штукатурка обнажает прошлое этого дома. Гостиная – сплошная эклектика: обитые гобеленовой тканью диваны, обюссонские ковры, китайский фарфор, индийский набивной ситец. На стенах картины, иные просто великолепны – возможно, даже знаменитых художников, другие – откровенная мазня. Все вместе выглядит бессмысленной мешаниной, собранной в одном месте, – старомодный вкус и бессистемное швыряние денег на ветер. Немножко потрепанно, но в целом уютно.

В гостиной Вианна задержалась, глядя через застекленные двери, как в саду Антуан качает Софи на качелях, которые сам для нее смастерил. Потом аккуратно повесила шляпку, неторопливо повязала фартук. Пока Софи с Антуаном резвились во дворе, она занялась ужином: обернула ломтиками бекона свиную вырезку, перевязала нитью, подрумянила в оливковом масле. Свинина томила в духовке, а Вианна приготовила остальное. Ровно в восемь она позвала семью к столу. И радостно улыбалась, слушая топот двух пар ног, оживленную болтовню, скрип стульев.

Муж с дочерью устроились на своих местах. Софи уселась во главе стола, в том самом венке из маргариток, что сплел для нее Антуан.

Вианна внесла блюдо, источающее аппетитные запахи: запеченная свинина и хрустящий бекон, яблоки, глазированные в винном соусе, все это – на подушке печеного картофеля. Рядом миска с зеленым горошком в масле, приправленном эстрагоном из сада. И разумеется, багет, который Вианна испекла еще вчера утром.

Софи, как всегда, тархтела без умолку. В этом смысле она вылитая тетушка Изабель – совершенно не умеет держать язык за зубами.

Блаженная тишина наступила, только когда перешли к десерту – *ile flottante*, островки румяной меренги, плавающие в английском креме.

– Что ж, – Вианна отодвинула свою тарелку с едва начатым десертом, – займемся посудой.

– Ну, мам... – начала было недовольно Софи.

– Прекратить нытье, – скомандовал Антуан. – Ты уже большая девочка.

И Вианна с Софи направились в кухню, где каждая заняла свое место – Вианна у медной раковины, а Софи у каменного стола. Мать мыла посуду, а дочь вытирала. По всему дому разносился аромат традиционной послеобеденной сигареты Антуана.

– Папа сегодня ни разу не засмеялся над моими рассказами, – пожаловалась Софи, когда Вианна расставляла тарелки на деревянных полках. – С ним что-то не так.

– Не смеялся? О, определенно это *настоящая* причина для тревоги.

– Он переживает из-за войны.

Война. Опять эта война.

Вианна отправила дочь наверх, в спальню. Присев на краешек кровати, она слушала бесконечную трескотню Софи, пока та натягивала пижаму, чистила зубы и укладывалась в постель.

Наклонилась поцеловать малышку на ночь.

– Я боюсь, – шепнула Софи. – Вдруг правда начнется война?

– Не бойся. Папа защитит нас. – Но в тот же миг вспомнила, как ее мама говорила ей то же самое. *Не бойся.*

Когда ее папа уходил на войну.

Софи явно не поверила:

– Но...

– Никаких «но». Не о чем беспокоиться. А сейчас пора спать. – Она еще раз поцеловала дочь, чуть дольше прижимаясь губами к пухлой детской щечке.

Вианна спустилась вниз, вышла во двор. Душно, в воздухе сильно пахнет жасмином. Антуан неловко пристроился на маленьком стуле, вытянув ноги.

Она подошла, тихо положила руку на его плечо. Он выпустил облачко дыма, вновь глубоко затянулся. Поднял взгляд на жену. В лунном свете лицо его казалось странно бледным, почти незнакомым. Он потянулся к жилетному карману, достал листок бумаги:

– Я получил повестку, Вианна. Как и все мужчины в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти.

– Повестку? Но... мы же не воюем. Я не...

– Должен явиться на призывной пункт во вторник.

– Но... но... ты же просто почтальон.

Он все смотрел на нее, и у Вианны внезапно перехватило дыхание.

– Похоже, теперь я просто солдат.

Три

О войне Вианна кое-что знала. Может, не о лязге оружия, грохоте взрывов, крови и порохе, но зато о ее последствиях. Она родилась в мирное время, но первые ее детские воспоминания – это война. Она помнила, как плакала мама, провожая папу. Помнила, как вечно мерзла и хотела есть. Но лучше всего помнила, как изменился папа, вернувшийся с войны, как он прихрамывал, как вздыхал, как угрюмо молчал. Он начал пить, замкнулся в себе, перестал общаться с родными. Вианна помнила, как громко хлопали двери, как взрывались скандалы и гасли в неловком молчании и как родители спали в разных комнатах.

С войны вернулся совсем не тот папа, что ушел на фронт. Она очень старалась, чтобы он ее любил, а еще больше старалась любить его сама, но в итоге и то и другое оказалось невозможным. С того момента, как он сдал ее в Карриво, Вианна зажила отдельной жизнью. Она посылала отцу рождественские и поздравительные открытки, но ни разу не получила ни слова в ответ. Они редко виделись. Да и зачем? В отличие от Изабель, которая не смогла принять все и смириться, Вианна понимала – и признавала, – что со смертью мамы их семья распалась. Отец просто отказался быть отцом.

– Я знаю, как тебя пугает эта война, – сказал Антуан.

– Линия Мажино устоит. – Она попыталась придать голосу уверенности. – К Рождеству ты будешь дома.

Линия Мажино – мили и мили бетонных стен, заграждений и огневых точек, сооруженных вдоль границы с Германией после Великой войны, чтобы защитить Францию. Немцам не прорвать ее.

Антуан взял ее за руку. Дурманивший аромат кружил голову, и Вианна внезапно поняла, что отныне запах жасмина будет всегда напоминать ей об этом прощальном вечере.

– Я люблю тебя, Антуан Мориак, и буду ждать тебя.

Позже она не могла вспомнить, как они вернулись в дом, поднялись по лестнице, как раздевали друг друга, как оказались в постели. Помнила только его объятия, неистовые поцелуи и руки, словно стремящиеся разорвать ее на части и одновременно удерживающие и оберегающие.

– Ты сильнее, чем думаешь, Ви, – сказал он потом, зарывшись носом в ее волосы.

– Вовсе нет, – прошептала она так тихо, что он не услышал.

Наутро Вианне хотелось удержать Антуана в кровати, вообще не отпускать. Может, даже убедить его собрать вещи и бежать вместе под покровом ночи, словно разбойники.

Но куда? Война нависла над всей Европой.

Она приготовила завтрак, перемыла посуду, а в затылке все стучала тупая боль.

– Мама, ты грустная, – заметила Софи.

– Ну что ты, как я могу быть грустной в такой чудный летний день, когда мы собираемся в гости к лучшим друзьям? – Улыбка у Вианны вышла неестественно радостной. И только выйдя из дома и остановившись под старой яблоней во дворе, она поняла, что все еще босиком.

– Мам! – торопила Софи.

– Иду-иду. – Она поспешила за дочерью мимо старой голубятни, приспособленной под сарай для инструментов, и пустого амбара.

Софи распахнула калитку на заднем дворе, влетела в ухоженный соседский двор и помчалась к маленькому уютному коттеджу с голубыми ставнями. Торопливо постучала в дверь и, не дождавшись ответа, вошла.

– Софи! – строго окликнула Вианна, но впустую. С лучшими подругами хорошие манеры ни к чему, а Рашель де Шамплен уже пятнадцать лет была лучшей подругой Вианны.

Девочки познакомились спустя месяц после того, как отец позорно бросил детей в Ле Жарден. Они были той еще парочкой: Вианна – тоненькая, бледная, нервная, и Рашель – высокая, как мальчишка, брови точно густые заросли, а голос – настоящая сирена. Белые вороны – обе. В школе они были неразлучны, но и потом не расставались. Вместе поступили в университет, обе стали учительницами. Даже забеременели почти одновременно. И сейчас работали вместе в школе.

Рашель появилась в дверях, держа на руках новорожденного Ариэля.

Глаза подруг встретились. Обе все понимали, обеим было страшно.

– Думаю, сегодня надо выпить, а? – предложила Рашель.

– Непременно.

Следом за подругой Вианна вошла в маленькую, светлую, идеально прибранную комнату. На деревянном раскладном столике ваза с полевыми цветами, вокруг столика разномастные стулья. В углу столовой кожаный сундук, на котором пристроилась коричневая фетровая шляпа, любимый аксессуар Марка, мужа Рашель. Хозяйка налила два бокала белого вина, положила на тарелочку *caneles*. Женщины вышли в сад.

Вдоль серой каменной ограды росли розы. На вымощенном камнем пятачке стоял стол и четыре стула. С ветвей каштана свисали фонарики.

Вианна присела, надкусила *canele* – хрустящая, чуть пригоревшая трубочка и густая ванильная начинка.

Рашель устроилась напротив, малыш спал у нее на руках. Обе молчали, и это молчание постепенно заполнялось страхами и дурными предчувствиями.

– Познакомится ли он со своим отцом, – вздохнула Рашель, глядя на младенца.

– Все они вернутся другими.

Вианна вспомнила об отце. Он воевал в битве на Сомме, где расстались с жизнью три четверти миллиона людей. А немногие выжившие рассказывали о зверствах немцев.

Рашель, пристроив мальчика на плече, нежно поглаживала по спинке.

– Марк совершенно не умеет менять подгузники. Ари же обожает спать в нашей постели. Полагаю, теперь всем будет проще.

Губы сами собой растянулись в улыбке. Всего лишь шутка, пустяк, но сразу легче.

– Антуан жутко храпит. Наконец-то выплусь.

– И ужинать сможем яйцами-пашот.

– И стирать в два раза меньше. – Но тут голос дрогнул: – Я не справлюсь, я не такая сильная, Рашель.

– Конечно справишься. Мы вместе справимся.

– Пока я не встретила Антуана...

– Знаю, знаю, – отмахнулась Рашель. – Тощая как плеть нервная заика с аллергией на все подряд. Знаю. Я, между прочим, все это видела. Но теперь все иначе. Ты стала сильной. И знаешь почему?

– Почему?

Улыбка Рашель погасла.

– Я знаю, что крупная – статная, как мне говорят продавцы белья и чулок, – но чувствую себя... совершенно разобранной, Ви. И мне нужно опереться на кого-то – на тебя, Ви. Не *всем* весом, разумеется.

– И, привалившись друг к дружке, мы не сможем обе сразу развалиться на части.

– Вуаля, – констатировала Рашель. – План готов. А теперь что у нас по плану – коньяк или джин?

– Сейчас десять утра.

– Ты права. Тогда «Френч 75»³.

Наступило утро вторника. Вианна открыла глаза; старые потолочные балки слегка поблескивали в лучах солнечного света.

Антуан сидел у окна в кресле-качалке, том самом, что он смастерил для Вианны, когда она была беременна второй раз. Несколько лет это пустое кресло словно издевалось над ними. Три выкидыша за четыре года, крошечные синие ручки, затихающее сердцебиение. Бесплодие на земле изобилия. А потом – чудо: Софи, ребенок, который выжил. В трещинках этого кресла, может, и прятались печальные тени прошлого, но они хранили и немало теплых воспоминаний.

– Что, если вам с Софи переехать в Париж, – сказал он, когда Вианна села в кровати. – Жюльен мог бы присмотреть за вами.

– Отец довольно ясно высказал свое мнение по поводу жизни с дочерьми. Не думаю, что он нам обрадуется. – Вианна отбросила стеганое одеяло и спустила ноги на вытертый прикроватный коврик.

– Но как же вы тогда?

– У нас с Софи все будет отлично. А ты скоро вернешься домой. И Линия Мажино устоит. И, Господь свидетель, немцы нам не соперники.

– И оружие у них совсем паршивое. Я снял со счета все наши деньги. Теперь в матрасе спрятано шестьдесят пять тысяч франков. Распорядись ими мудро, Вианна. Вместе с твоей учительской зарплатой это можно растянуть надолго.

Ее захлестнула паника. Она же совсем не разбиралась во всяких финансовых вопросах, этим всегда занимался Антуан.

Он неторопливо поднялся, обнял жену. Вианна хотела бы закупорить в бутылку этот момент, а потом отпивать его по глоточку, когда начнет засыхать от одиночества и страха.

Запомни это, мысленно убеждала она себя. Как солнце играет в его кудрях, любовь в карих глазах, потрескавшиеся губы, целовавшие ее лишь час назад.

Через раскрытое окно она расслышала неторопливое хлоп-хлоп-хлоп – лошадь бредет по дороге, тащит телегу. Наверное, это мсье Киллиан везет цветы на рынок. Будь она во дворе, он обязательно остановился бы, и подарил ей цветок, и сказал бы, что тот не может соперничать с ее красотой, а она бы улыбнулась, поблагодарила и предложила ему выпить глоточек чего-нибудь.

Вианна нехотя отодвинулась. Подойдя к туалетному столику, налила в таз теплой воды из голубого керамического кувшина, умылась. В алькове, служившем гардеробной, за золотистыми тюлевыми занавесками она надела бюстгальтер, кружевные трусики и подвязки. Разгладила на ногах шелковые чулки, пристегнула их к поясу, скользнула в хлопковое платье с воротничком-хомутом. Но когда, раздвинув занавески, она выглянула в комнату, Антуан уже ушел.

Подхватив сумочку, она поспешила вниз к Софи. Комнатка была такой же маленькой, как родительская, с балочным просмоленным потолком, деревянным полом и окном, выходящим в сад. Железная кровать, тумбочка с ночником, шкаф – вот и вся обстановка. Стены украшены рисунками Софи.

Вианна распахнула ставни и впустила свет в комнату.

Как частенько в летнюю жару, Софи сбросила одеяло на пол. Розовый плюшевый медвежонок Бебе спал, прижавшись к ее щеке.

Вианна взяла в руки медвежонка, заглянула в его мохнатую зацелованную морду. Прошлый год Бебе провел в одиночестве на полке у окна, Софи больше нравились новые игрушки.

И вот теперь Бебе вернулся.

³ Коктейль на основе джина, шампанского и лимонного сока, названный в честь главного французского оружия во время Первой мировой войны – 75-миллиметровой полевой пушки. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Вианна наклонилась, тихонько поцеловала дочь.

Перекатившись на спину, Софи моргнула, открыла глаза.

– Я не хочу, чтоб папа уезжал, – прошептала она. Потянулась за Бебе, почти выхватила его из рук матери.

– Знаю, – вздохнула Вианна. – Я знаю.

Она достала из шкафа любимое платье-матроску Софи.

– Можно я надену венок, который папа сплел?

Смятая корона из маргариток увядала на тумбочке. Вианна аккуратно водрузила ее на голову Софи.

Она думала, что вполне владеет собой, пока не вышла в гостиную к Антуану.

– Папа? – Софи растерянно тронула поникшие маргаритки. – Не уходи.

Антуан опустился на колени, привлек к себе дочь, крепко обнял:

– Я должен стать солдатом, чтобы защищать тебя и маму. Но я очень скоро вернусь, ты даже не успеешь соскучиться. – И голос его дрогнул.

Софи чуть отстранилась. Маргаритковая корона сползла набок.

– Обещаешь, что скоро вернешься?

Приподняв голову, Антуан поймал испуганный взгляд Вианны.

– Да, – произнес он наконец.

Софи довольно кивнула.

Выходя из дома, все трое молчали. Рука об руку они поднялись по склону холма к серому деревянному сараю. Все вокруг заросло золотистой травой, по периметру их владений над оградой нависали кусты сирени, огромные, как стога. Три маленьких белых креста – все, что в этом мире напоминало о детях, потерянных Вианной. Но сегодня она не позволила себе даже смотреть в ту сторону. Ей достаточно переживаний, груза еще и воспоминаний сейчас не осилить.

В сарае стоял их старенький зеленый «рено». Когда все устроились в автомобиле, Антуан включил зажигание, задним ходом выехал наружу и по коричневым ленточкам колеи вырулил на дорогу. Уставившись в маленькое пыльное окошко, Вианна смотрела, как плывут мимо знакомые пейзажи – зеленые луга, красные черепичные крыши, каменные коттеджи, виноградники, редкие чахлые рощицы.

На станцию неподалеку от Тура они прибыли слишком быстро.

На платформе толпились молодые мужчины с чемоданчиками, женщины целовали их на прощанье, дети плакали.

Еще одно военное поколение. Все повторяется.

Не думай об этом, приказала себе Вианна. Не смей вспоминать, как это было в прошлый раз, когда мужчины возвращались домой хромыми, израненными, с обожженными лицами, без рук или ног...

Вианна вцепилась в руку мужа, пока Антуан покупал билеты, потом вел их к поезду. В вагоне третьего класса – удушающе жарко, людей набилось как сельдей в бочку – она сидела, вытянувшись как струна, держала мужа за руку, пристроив сумочку на коленях.

На станции назначения выходило около дюжины мужчин. Вианна, Софи и Антуан шли следом за остальными по булыжной улице очаровательной деревеньки, похожей на все коммуны Турени. Как так случилось, что пришла война, что в этом старинном городе с древними полуразрушенными стенами собирают солдат для отправки на фронт?

Антуан потянул ее к себе. Когда это она успела замереть посреди дороги?

Впереди показались огромные металлические ворота, определенно недавно появившиеся в каменной стене. За ними виднелись ряды временных барakov.

Ворота распахнулись. Появился всадник, приветствующий вновь прибывших, новенькое кожаное седло поскрипывало, запыленное лицо покраснелось от жары. Солдат натянул поводья, лошадь остановилась, мотнула головой, фыркнула. В небе прогудел аэроплан.

– Привет, парни, – прокричал солдат. – Предъявите ваши документы лейтенанту вон там, во дворе. Быстрее, пошевеливайтесь.

Антуан поцеловал Вианну с такой нежностью, что она едва не разрыдалась.

– Я люблю тебя, – шепнул он, прижавшись к ее губам.

– Я тоже люблю тебя. – Но слова, прежде казавшиеся такими важными, прозвучали совсем незначительно. Что может любовь противопоставить войне?

– И меня тоже, папочка, и меня! – Софи рвалась на руки к отцу. Они обнялись все вместе, еще один последний раз.

– До свидания, – с трудом оторвался Антуан.

Вианна не смогла выдать ни слова в ответ. Она молча смотрела, как он уходит, растворяется в толпе смеющихся, гомонящих молодых парней. И вот его уже не различить среди них. Металлические ворота с грохотом захлопнулись, звук еще долго эхом разносился в жарком пыльном воздухе, а Вианна с Софи стояли в одиночестве посреди улицы.

Четыре

Июнь 1940-го

Франция

Над темно-зеленым, поросшим лесом косогором высился средневековый дворец. Прямо карамельный замок в витрине кондитерской – леденцовые окошки и сахарные ставенки. Далеко внизу в синеве озерной глади отражались облака. Идеально ухоженный сад позволял обитателям поместья – и, что гораздо важнее, их гостям – прогуливаться по владениям, беседуя исключительно о приличествующих обстановке предметах.

В парадной столовой за накрытым белоснежной скатертью столом, за которым легко уместились бы две дюжины человек, с идеально прямой спиной сидела Изабель Россиньоль. Все вокруг было светлым. Стены, потолок и пол отделаны камнем светло-бежевого оттенка. Своды потолка возвышались футов на двадцать над головой. Каждый звук в этом зале звучал громче, пойманный в ловушку его стылыми стенами, как и несчастные обитатели замка.

Мадам Дюфур стояла во главе стола; строгое глухое черное платье открывало лишь выемку у основания шеи. Единственным украшением была бриллиантовая брошь. (Один роскошный предмет, дамы, но выбирайте его тщательно; всякая вещь имеет свой голос, и ничто не заявляет столь громко и категорично, как дешевое украшение.) Узкое лицо, обрамленное пергидрольными кудряшками, обесцвеченными с такой безудержной целеустремленностью, что вожденный эффект молодости оказался полностью уничтожен, завершалось тяжелым подбородком.

– Фокус в том, – говорила она хорошо поставленным голосом, – чтобы стать абсолютно неприметной, совершая нужные действия.

Девушки за столом все как одна были одеты в синие шерстяные жакеты и юбки – школьную форму. Зимой это, может, и неплохо, но в этот июньский полдень наряд просто невыносимый. Изабель чувствовала, что обливается потом, и никакое лавандовое мыло не замаскирует отвратительный запах. Она обреченно уставилась на апельсин, покоящийся в центре тарелки из лиможского фарфора. По обе стороны от тарелки в строгом порядке разложены столовые приборы: вилка для салата, вилка для основного блюда, нож, ложка, нож для масла, рыбная вилка. И еще, и еще, до бесконечности.

– А сейчас, – объявила мадам Дюфур, – возьмите нужные приборы... тише, будьте любезны, аккуратнее, и очистите апельсин.

Изабель попыталась проколоть вилок твердую кожуру, но апельсин увернулся, подпрыгнул и перескочил через хрупкий край тарелки. Фарфор жалобно зазвенел.

– Дерьмо, – пробормотала она, подхватывая апельсин прежде, чем тот шлепнулся на пол.

– *Дерьмо?* – Мадам Дюфур возникла за спиной.

Изабель испуганно подскочила на стуле. Бог мой, эта женщина скользит, как змея в камышах.

– Простите, мадам, – пролепетала Изабель, возвращая апельсин на место.

– Мадемуазель Россиньоль, – возмущенно проговорила Мадам, – как получилось, что вы на протяжении двух лет удостаиваете нас своим присутствием, но столь немногому научились?

Изабель еще раз остервенело ткнула апельсин вилок. Абсолютно неграциозно и вообще почти неприлично – но эффективно. И ослепительно улыбнулась Мадам.

– Вообще-то, мадам, отсутствие успехов у ученика считается профессиональной неудачей преподавателя.

Все сидящие за столом затаили дыхание.

– Вот как, – заметила Мадам. – То есть это мы виноваты в том, что вы до сих пор не умеете нормально справляться с апельсином.

Изабель попыталась снять кожуру – слишком торопливо, слишком грубо. Серебряное лезвие соскользнуло с надрезанной кожицы и громко звякнуло по тарелке.

Рука мадам Дюфур стремительно метнулась вперед, пальцы сомкнулись вокруг запястья Изабель.

Девушки за столом замерли, не сводя глаз с обеих.

– Вежливая беседа, барышни, – сдержанно улыбнулась Мадам. – Никто не хочет обедать в обществе истукана.

Все девушки, как по сигналу, заговорили друг с другом о важных вещах, абсолютно не интересовавших Изабель. Садоводство, погода, наряды. Приличествующие истинным дамам темы. Она расслышала, как одна девица тихонько сообщила другой:

– Я без ума от алансонского кружева, а вы?

– Мадемуазель Россиньоль, – продолжала Мадам, – ступайте к мадам Аллард и сообщите ей, что наш эксперимент подошел к концу.

– Что это значит?

– Скоро узнаете. Ступайте.

Изабель выскочила из-за стола, пока Мадам не передумала.

Ножки стула с пронзительным скрипом проехали по каменному полу, и Мадам недовольно скривила лицо. Изабель улыбнулась:

– А знаете, я терпеть не могу апельсины.

– В самом деле? – саркастически спросила Мадам.

Изабель хотелось выбежать из этой тюремной камеры, но неприятностей и без того хватало, поэтому она заставила себе шествовать медленно и степенно, высоко вздернув подбородок и выпрямив спину. На лестнице (по которой она могла, при необходимости, пройти, держа стопку книг на голове) она воровато оглянулась, убедилась, что вокруг никого нет, и припустила вниз вприпрыжку.

В холле перевела дух. А когда подошла к дверям директрисы, уже дышала ровно и спокойно.

Изабель постучала и, услышав равнодушное «войдите», толкнула дверь.

Мадам Аллард возвышалась над инкрустированным золотом письменным столом красного дерева. Стены кабинета украшали средневековые гобелены, стрельчатые витражные окна выходили в столь изысканный сад, что он более напоминал произведение искусства, чем природный объект. Даже птицы туда редко залетали – не иначе, боялись задохнуться.

Изабель устроилась на стуле – и тут же сообразила, что ей не предложили присесть. Она мгновенно подскочила:

– Простите, мадам.

– Садитесь, Изабель.

Она присела, изящно скрестив лодыжки, как подобает приличной девушке, сложила на коленях ладони.

– Мадам Дюфур просила меня сообщить вам, что эксперимент окончен. – Директриса задумчиво взяла в руки перо муранского стекла, принялась постукивать им по столу. – Почему вы здесь, Изабель?

– Я ненавижу апельсины.

– Простите?

– Если мне вдруг *придется* есть апельсин – хотя с чего бы, мадам, когда я их терпеть не могу, – я почищу его руками, как американцы. Да как вообще все нормальные люди, честно. Есть апельсин при помощи ножа и вилки?

– Я имела в виду, как вы оказались в этом заведении?

– А, вы об этом. Ну, потому что меня исключили из Школы Святого Сердца в Авиньоне. Ни за что, хотела бы добавить.

– А Сестры Святого Франциска?

– Ну, у них были причины избавиться от меня....

– А прежняя школа?

Изабель не знала, что ответить.

Мадам отложила перо:

– Вам почти девятнадцать.

– Да, мадам.

– Полагаю, вам пора уйти.

Изабель поднялась со стула:

– Я должна вернуться на урок по поеданию апельсина?

– Вы неверно поняли меня. Я имею в виду, вам пора покинуть нашу школу, Изабель.

Совершенно ясно, что у вас отсутствует интерес к тем предметам, что здесь преподают.

– Как правильно есть апельсин, и когда подавать сыр, и кто важнее – второй сын герцога или дочь, которая не является наследницей, или посол второстепенной страны? Мадам, вы вообще в курсе, что творится в мире?

Может, Изабель и заточили в деревенской глуши, но она знала о последних событиях. Даже здесь, за баррикадой как по ниточке подстриженных изгородей, понукаемая и оглушенная дубиной хороших манер, она следила за происходящим во Франции. Ночами в своей каморке, когда одноклассницы мирно спали, она включала контрабандное радио и слушала Би-би-си. Франция, как союзница Великобритании, объявила Германии войну, и Гитлер перешел в наступление. По всей стране люди запасаются продуктами, устанавливают светомаскировку и учатся жить, как кроты в норах.

Они подготовились, они тревожились, ждали, а потом... ничего.

Шел месяц за месяцем, и ничего не происходило.

Сначала все только и делали, что вспоминали о Великой войне и о несчастьях, коснувшихся многих семей, но с течением времени сама война превратилась лишь в *разговоры* о войне. Изабель слышала, как учителя называют ситуацию *drole de guerre*, «странной войной». Подлинный кошмар творился где-то там, в Европе – в Бельгии, Голландии, Польше.

– А что, во время войны манеры не имеют значения, Изабель?

– Они не имеют значения *сейчас*, – выпалила Изабель, секундой позже пожалев, что не промолчала.

Мадам торжественно встала:

– Мы никогда не были подходящим местом для вас, но...

– Мой отец готов был засунуть меня куда угодно, лишь бы избавиться от меня.

Изабель предпочитала жестокую правду, лишь бы не слышать очередную ложь. Она многому научилась в той веренице школ и монастырских приютов, через которые прошла за последнее десятилетие, и главный урок, который она усвоила, что полагаться можно только на себя. На отца и сестру уж точно надеяться не приходится.

Мадам пристально смотрела на Изабель. Кончик носа у нее едва заметно покраснел – признак вежливо сдерживаемого, но откровенного неодобрения.

– Мужчине трудно пережить утрату жены.

– А девочке трудно пережить утрату матери, – дерзко бросила Изабель. – Впрочем, я потеряла обоих родителей, не так ли? Мать умерла, а отец бросил меня. Не могу сказать, что больше.

– Боже милостивый, Изабель, неужели обязательно говорить вслух, о чем вы думаете?

Изабель уже много раз за свою жизнь слышала этот упрек, но к чему держать язык за зубами? Все равно ее никто не слушает.

– Итак, вы уезжаете сегодня же. Я сообщу телеграммой вашему отцу. Томас отвезет вас к поезду.

– Сегодня? – растерянно моргнула Изабель. – Но... Папа не захочет меня видеть.
– Ах да. Последствия... – протянула директриса. – Что ж, возможно, теперь вы поймете, что их следует принимать во внимание.

Итак, впереди неизвестность.

Уставившись в пыльное, покрытое пятнами вагонное окно, Изабель смотрела, как проносятся мимо знакомые пейзажи: зеленые луга, красные крыши, каменные коттеджи, серые мосты, лошади.

Все выглядело как всегда, и это было удивительно. Идет война, это же должно как-то отражаться на окружающей действительности, трава должна пожелтеть, деревья – засохнуть, птицы – пасть камнем, но из окна поезда, деловито пытящего в сторону Парижа, все выглядело абсолютно обычно.

У платформы Лионского вокзала поезд свистнул, дернулся еще пару раз и замер. Изабель вытащила из-под полки свой чемоданчик, положила его на колени. Пассажиры спешили мимо нее к выходу, а она вновь вернулась к вопросу, которого так долго избегала.

Папа.

Как хочется думать, что он ждет ее дома, что наконец-то обнимет крепко-крепко, ласково произнесет ее имя, как раньше, когда мама была сердцем их семьи.

Она все смотрела на свой потертый чемоданчик.

Такой маленький.

Девчонки-одноклассницы приезжали в школу с целой кучей кожаных саквояжей, перетянутых ремнями, утыканных медными заклепками. На столах у них стояли фотографии, на тумбочках – памятные сувениры, а ящики комодов были забиты семейными фотоальбомами.

У Изабель была одна-единственная фотография женщины, которую она хотела бы вспомнить, но не могла. В памяти всплывали лишь размытые образы плачущих людей, врач, печально качающий головой, и мамин голос, уговаривающий ее крепко держать сестру за руку.

Если бы это могло помочь. Вианна бросила Изабель так же быстро, как папа.

Кажется, во всем поезде осталась она одна. Покрепче стиснув ручку чемодана, Изабель все же решила выйти из вагона.

На платформе полно народу. Поезда выстроились в ожидании пассажиров, клубы дыма поднимаются в воздух к сводчатым аркам дебаркадера над головой. Откуда-то доносятся резкие свистки. Огромные железные колеса пришли в движение. Платформа вздрогнула у нее под ногами.

Отец стоит там, в толпе.

Он ее заметил, а она увидела, как раздражение, исказившее его лицо, сменилось выражением мрачной решимости.

Отец был высоким человеком, под два метра, но Великая война согнула его. Или Изабель просто когда-то слышала об этом. Широкие плечи поникли, словно под грузом невеселых раздумий, седые волосы неряшливо растрепаны, нос плоский, точно матросская шутка, и губы тонкие, точно уловка. В этот жаркий летний день на нем была белая мятая рубаша с закатанными рукавами, галстук небрежно повязан под потертым воротником, а вельветовым брюкам определенно не помешала бы стирка.

Она постаралась выглядеть... более взрослой. Наверное, он этого от нее ждет.

– Изабель.

Она обеими руками стиснула ручку чемодана.

– Папа.

– Тебя в очередной раз выгнали.

Она молча кивнула.

– Как же мы найдем для тебя другую школу в такое время?

Вот он, ее шанс.

– Я... хочу жить с тобой, пап.

– Со мной? – Он был удивлен. Но разве это не нормально, когда девушка хочет жить вместе со своим отцом?

– Я могла бы работать в книжном магазине. Я не помешаю тебе.

Изабель шагнула навстречу отцу, коротко вздохнула и замерла. Внезапно все звуки словно стали громче. Людские шаги, гул платформы, хлопанье голубиных крыльев где-то наверху, детский плач.

Ну конечно, Изабель.

Пойдем домой.

Отец раздраженно выдохнул, повернулся и пошел прочь.

– Ну, – недовольно обернулся он. – Ты идешь?

Изабель с раскрытой книжкой валялась в сладко пахнувшей траве. Где-то неподалеку жужжали в цветах трудолюбивые пчелы, как будто кто-то завел маленький мотоцикл. Томный жаркий день, уже неделя прошла с момента ее приезда в Париж. Да, *домой* в этом случае не скажешь. Она понимала, что отец прикидывает разные варианты сплавить ее подальше, но в такой чудный день, в ароматах спелых вишен и цветущих трав об этом думать не хотелось.

– Ты слишком много читаешь, – заметил Кристоф, жуя травинку. – Что на этот раз, очередной роман?

Она перекатилась поближе к нему, захлопнула книгу. Историю Эдит Кавелл, сестры милосердия времен Великой войны. Героини.

– На войне я могла бы стать настоящим героем, Кристоф.

– Барышня? – расхохотался он. – Герой? Абсурд. Чепуха.

Изабель стремительно вскочила, решительно натянула белые полотняные перчатки и шляпку.

– Не сходи с ума, – добродушно усмехнулся он. – Я просто устал от этих разговоров о войне. И потом, это общеизвестный факт – женщины на войне бесполезны. Ваше дело – ждать нашего возвращения.

Подперев щеку ладонью, он устремил на нее внимательный взгляд из-под длинной белокурой челки, падавшей на глаза. В этом блейзере яхтсмена, в белых расклепанных брюках он выглядел точь-в-точь как тот, кем и являлся, – студентом привилегированного университета, ни дня в своей жизни не работавшим. Многие парни его возраста бросили учебу и пошли в армию добровольцами. Но не Кристоф.

Изабель поднялась к вершине холма, прошла через сад наверх, где стоял его «панар» с открытым верхом.

Она уже сидела за рулем и двигатель работал, когда наконец-то появился Кристоф. Красивое лицо блестело от пота, в руке болталась пустая корзинка для пикника.

– Просто брось эту штуку на заднее сиденье, – обворожительно улыбнулась она ему.

– Ты же не водишь автомобиль.

– Оказывается, вожу. Давай садись.

– Это мой автомобиль, Изабель.

– Ну, если уж говорить абсолютно точно, – а я знаю, как ты ценишь точность формулировок, Кристоф, – это автомобиль твоей матери. И я считаю, женский автомобиль должна водить женщина.

Изабель постаралась сдержать улыбку, когда он, с досадой закатив глаза, буркнул «отлично» и, перегнувшись через сиденье, забросил корзинку позади Изабель. Затем, двигаясь нарочито медленно, обошел автомобиль и устроился на пассажирском месте.

Он едва успел хлопнуть дверью, как она включила передачу и вдавила педаль газа в пол. Автомобиль, помешкав секунду, рванул вперед, вздымая облака пыли и изрыгая клубы дыма.

– Господи, Изабель. Помедленнее!

Придерживая одной рукой соломенную шляпку, другой она крепко вцепилась в руль. И лишь слегка притормаживала, разъезжаясь с другими машинами.

– Помедленнее! – почти взмолился он. Ему определенно следует запомнить, что она не намерена следовать правилам.

– В наше время женщина вполне может отправиться на войну, – заявила Изабель, когда в Париже ей все же пришлось сбавить скорость. – Я могу водить санитарную машину, например. Или заняться расшифровкой тайных кодов. Или соблазнять врагов, чтобы они выдавали мне секретные сведения. Вспомни ту игру...

– Война – это не игра, Изабель.

– Поверь, Кристоф, мне это известно. Но если она *действительно* идет, я могу помочь. Вот и все, что я хочу сказать.

На улице Адмирала Колиньи пришлось резко ударить по тормозам, чтобы не врезаться в грузовик. До театра «Комеди Франсез» растянулась колонна от самого Лувра. Вообще-то грузовики сновали повсюду, жандармы регулировали движение. Вокруг памятников и рядом с некоторыми зданиями уложены мешки с песком – вероятно, для защиты от бомбежек, тех самых, которых не должно быть, поскольку Франция не ведет никакой войны.

Тогда почему вокруг так много полицейских?

– Бред, – мрачно пробормотала себе под нос Изабель.

Кристоф, вытянув шею, пытался разглядеть, что происходит.

– Вывозят коллекции Лувра, – заключил он.

Изабель углядела просвет в потоке машин, и уже через несколько минут они затормозили у входа в книжный магазин ее отца.

Махнув на прощанье Кристофу, она нырнула внутрь. Длинное узкое помещение, книги и книги, от пола до потолка. Годами отец собирал это богатство, пытаясь как-то организовать, распределив по книжным шкафам, но в результате его постоянных «улучшений» магазин превратился в настоящий лабиринт. Ряды книг вели в разные стороны, все дальше и дальше в недра дома. В самой глубине скрывались путеводители. Некоторые полки были неплохо освещены, другие тонули во мраке. Здесь было слишком тесно, все равно невозможно рассмотреть каждый уголок и закуток. Но отец знал «в лицо» каждую книжку на каждой полке.

– Ты опоздала, – проворчал он, поднимая голову. Он складывал на стойке в стопку какие-то листки с текстом – наверное, мастерил очередную книжку стихов, которые никто никогда не покупал. Толстые короткие пальцы измазаны чем-то синим. – Похоже, парни для тебя важнее работы.

Изабель молча проскользнула на свое место за кассой. За неделю жизни с отцом она уяснила, что лучше не огрызаться, хотя смирение давалось нелегко, слова, фразы – оправдания – нестерпимо просились наружу. Ужасно хотелось рассказать, что она чувствует, но она понимала, что отец столь же страстно желает от нее избавиться, поэтому приходилось сдерживаться.

– Ты слышишь это?

Она что, уснула?

Изабель вскинулась. Она не расслышала, как подошел отец. Он стоял рядом, мрачно хмурясь.

Какой-то непонятный звук, точно. С потолка посыпалась пыль, шкафы покачнулись, дерево стукнулось о дерево со странным звуком, будто зубы клацнули. Перед витриной замелькали тени. Тысячи теней.

Люди? Так много?

Отец направился к дверям, Изабель поспешила следом. В дверном проеме она увидела толпу, бегущую по улице, толпу, заполонившую и проезжую часть, и тротуары.

– Что случилось с этим миром? – пробормотал отец.

Отпихнув его, Изабель протиснулась наружу. Какой-то мужчина едва не сбил ее с ног, но даже не извинился.

Она ухватила за рукав пытящего краснолицего толстяка, пытавшегося выбраться из потока людей:

– Что такое? Что случилось?

– Немцы входят в Париж, – выдохнул он. – Надо бежать. Я воевал, я знаю...

– Немцы в Париже? – недоверчиво усмехнулась Изабель. – Это невозможно.

Толстяк помчался дальше, неуклюже переваливаясь из стороны в сторону, обливаясь потом, нервно сжимая и разжимая прижатые к бокам кулачки.

– Надо вернуться домой, – бросил отец, выходя на улицу и запирая дверь магазина.

– Это не может быть правдой, – возразила она.

– Самое худшее всегда оказывается правдой, – сухо отрезал отец. – Не отставай, – добавил он, решительно врезаясь в толпу.

Никогда прежде Изабель не видела такой паники. Суета, вспыхивающие фары автомобилей, рев двигателей, хлопающие двери. Люди громко окликали друг друга, хватались за руки, чтобы не потеряться в безумной сутолоке.

Изабель почти прилипла к отцовской спине. Столпотворение не позволяло двигаться быстро. В метро творилась настоящая свистопляска, так что им пришлось идти пешком, и домой они добрались лишь в сумерках. Руки у отца так дрожали, что входную дверь удалось отпереть только со второй попытки. Оказавшись наконец внутри, они буквально взлетели по лестнице на свой пятый этаж, позабыв о лифте.

– Не включай свет, – резко скомандовал отец, открывая дверь.

Не отставая от отца ни на шаг, Изабель прошла за ним в гостиную, а потом решила выглянуть в окно, чуть приподняв светомаскировку.

Откуда-то издалека доносилось мерное жужжание. Оно становилось все громче, стекло начало дребезжать, как лед в стакане.

Пронзительный свист она услышала за несколько мгновений до того, как заметила в небе черную стаю, словно страшные дикие птицы.

Аэропланы.

– Боши, – прошептал отец.

Немцы.

Немецкие самолеты над Парижем. Свистящий звук становился все пронзительнее, переходя почти в женский визг, а потом – кажется, во втором округе – взрыв бомбы, жуткая вспышка света и зарево пожара.

Завыли сирены. Отец задернул шторы плотнее и потащил ее прочь из квартиры, вниз по лестнице. В вестибюле уже сустились соседи, волокли теплую одежду, детей, собак, а оттуда по узкой каменной винтовой лестнице в подвал. И там сидели в темноте, тесно прижавшись друг к другу. В спертом воздухе воняло плесенью, потом и страхом – последний запах, пожалуй, самый пронзительный и резкий. А бомбежка все не стихала, вокруг гудело, грохотало, стены подвала подрагивали, штукатурка сыпалась с потолка. Какой-то младенец кричал в голос, и его никак не могли унять.

– Заткните уже ребенка, *пожалуйста*, – рявкнул кто-то.

– Я пытаюсь, мсье. Он напуган.

– Как и мы все.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем наступила тишина. И она была еще страшнее, чем грохот. Что там осталось от Парижа?

Изабель оцепенела.

– Изабель?

Так хотелось, чтобы отец взял за руку, успокоил, хотя бы на минутку обнял, но он просто отвернулся и ушел в темноту, к узкой винтовой лесенке, ведущей наверх. Дома Изабель тут же бросилась к окну, взглянуть, на месте ли Эйфелева башня. Она по-прежнему высилась над плотными клубами черного дыма.

– Не стой у окна, – предупредил отец.

Она медленно обернулась. Единственный свет в комнате – от его фонарика, тоненькая желтая нить во тьме.

– Париж не падет, – выговорила она.

Он молчал. Мрачно. Наверное, думал о Великой войне и о том, что видел тогда в окопах. Может, рана его опять ноет, разбуженная взрывами бомб и ревом пламени.

– Ступай спать, Изабель.

– Как можно спать в такое время?

– Ты скоро узнаешь, что на самом деле возможно очень многое, – вздохнул отец.

Пять

Правительство лгало. Их уверяли, раз за разом, что Линия Мажино остановит немецкое наступление на Францию.

Ложь.

Ни сталь и бетон, ни французские солдаты не могли сдержать гитлеровский натиск, и правительство бежало из Парижа, будто воры в ночи. Говорили, что власти в Туре, разрабатывают стратегические планы, но что толку в стратегии, когда Париж в лапах оккупантов?

– Ты готова?

– Папа, я не поеду. Я же уже сказала. – Она оделась подорожному, как он просил, – летнее платье в горошек и туфли на низком каблучке.

– Мы не будем это еще раз обсуждать, Изабель. Скоро приедут Умберы и увезут тебя в Тур. Оттуда, надеюсь, тебе хватит сообразительности добраться до дома сестры. Господь свидетель, ты всегда была мастером сбегать.

– То есть ты меня бросаешь. Опять.

– Довольно, Изабель. Муж твоей сестры на фронте. Она осталась одна с дочерью. Делай, что я велел. Уезжай из Парижа.

Он понимает, какую боль ей причиняет? Ему вообще есть до этого дело?

– Тебе всегда было наплевать на нас с Вианной. И ей я нужна еще меньше, чем тебе.

– Ты поедешь.

– Я хочу остаться и сражаться. Как Эдит Кавелл.

– А ты помнишь, как она умерла? Ее казнили немцы.

– Папа, прошу тебя.

– Хватит. Я видел, на что они способны, Изабель. А ты ничего об этом не знаешь.

– Если все так ужасно, ты должен поехать со мной.

– И оставить им дом и магазин? – Он схватил ее за руку и потащил по лестнице, не обращая внимания на чемодан и шляпку, колотящиеся об стены.

Распахнув дверь, отец вытолкнул ее на авеню де Ла Бурдонне.

Хаос. Пыль. Толпы. Улица словно ползущий дракон, составленный из человеческих тел; машины сигналият, люди кричат, дети плачут, в воздухе удушливый запах пота.

Автомобили, набитые коробками, чемоданами, всяким барахлом, застряли в пробке. Люди катят пожитки на всем, что сумели отыскать, – тележках, велосипедах, даже в детских колясках.

Те, кто не сумел найти транспорт или у кого нет денег на бензин, нет машины и даже велосипеда, идут пешком. Сотни – тысячи – женщин и детей бредут вперед, волоча чемоданы, корзины, домашних животных.

Самые старые и самые крошечные уже начинают отставать.

Изабель не желала вливаться в эту унылую беспомощную толпу. Молодые мужчины ушли на фронт, и их семьям ничего не остается, как бежать на юг или на запад, хотя кто сказал, что там безопаснее? Немецкая армия уже захватила Польшу, Бельгию и Чехословакию.

Какая-то женщина наткнулась на Изабель, невнятно пробормотала извинения и побрела дальше.

– Я могу быть полезна, – Изабель понуро тащилась вслед за отцом, – пожалуйста. Я могу быть медсестрой или водить санитарную машину. Умею бинтовать и даже зашивать раны.

Неподалеку раздался пронзительный гудок.

Отец обернулся, и лицо его прояснилось. Изабель знала это выражение: наконец-то он сможет от нее избавиться.

– Они приехали, – сообщил отец.

– Не отправляй меня, – умоляла она. – Ну пожалуйста!

Отец протиснулся с ней сквозь толпу к пыльному черному автомобилю. К крыше были привязаны старый грязный матрас, связка удочек и клетка с кроликом внутри. Набитый багажник открыт и закреплен веревкой.

Мсье Умбер, пухлый коротышка, белыми от напряжения пальцами вцепился в руль, будто автомобиль был норовистой лошадью, готовой сорваться в любой момент. Он владел мясной лавкой по соседству с отцовским книжным магазином. Его жена Патрисия, крепкая, с тяжелым подбородком, типичная деревенская тетка, курила сигарету и смотрела в окно с таким выражением, будто глазам своим не верила.

Мсье Умбер, опустив стекло, высунулся в окошко:

– Привет, Жюльен. Она готова?

– Готова. Спасибо, Эдуард.

– Мы доедем только до Орлеана, – сообщила Патрисия, склонившись к открытому окну. –

И она должна заплатить за бензин.

– Ну разумеется.

Изабель не могла вот так взять и сбежать. Это трусость. Это неправильно.

– Папа...

– До свидания, – решительно произнес он, напоминая, что выбора у нее нет.

Отец кивнул в сторону машины, и Изабель молча поплелась к задней двери. Открыла и увидела трех маленьких чумазых девчушек, притиснувшихся друг к другу, как сардины в банке. Малышки жевали печенье и пили лимонад прямо из бутылочек. Меньше всего на свете ей хотелось присоединиться к этой компании, но она покорно втиснулась на заднее сиденье, к этим чужим людям, благоухающим сыром и колбасой, и захлопнула дверцу.

Обернувшись, посмотрела на отца. Уголки губ у него чуть опустились – единственное свидетельство того, что он ее видит. Толпа обтекала его, как река скалу.

Машина тронулась, и Изабель уставилась вперед. Вот молодая женщина с абсолютно безумным взглядом, волосы всклокочены, к груди присосался младенец. Автомобиль медленно полз, иногда надолго застывая на месте. Изабель смотрела, как мимо бредут напуганные, запутавшиеся, ничего не понимающие соотечественники, точнее – соотечественницы. И почти каждая норовила стукнуть по капоту или багажнику машины, умоляя о чем-то. Пришлось поднять стекла, хотя жара в салоне становилась невыносимой.

Сначала Изабель печалилась, что приходится уезжать, но потом в ней вскипела ярость, даже более жаркая, чем воздух в машине. Опостылело, что с ней обращаются как с ненужной вещью. Сначала отец отказался от нее, потом Вианна. Она закрыла глаза, чтобы спрятать слезы, которые не могла сдержать. Запах колбасы, пота, сигаретного дыма, детская перепалка на сиденье рядом, а она все вспоминала тот первый раз, когда ее отослали прочь.

Поезд дальнего следования... Изабель прижимается к Вианне, а та либо молча роняет слезы, либо притворяется спящей.

А потом Мадам, разглядывающая с высоты своего роста ее веснушчатый нос. *С ними не будет никаких проблем.*

Хотя она была совсем ребенком – всего четыре года, – Изабель считала, что знает, что такое одиночество, но она заблуждалась. В те три года, что они с сестрой провели в Ле Жарден, у нее по крайней мере *была* сестра, даже если той никогда не было рядом. Изабель припомнила, как подглядывала за Вианной и ее подругами из окошка второго этажа, как потихоньку молилась, чтобы о ней вспомнили и тоже позвали играть, а потом Вианна вышла замуж за Антуана, и мадам Жуть (не настоящее имя, конечно, но очень ей подходило) получила отставку, и Изабель так надеялась, что наконец-то у них будет нормальная семья. Не тут-то было. У Вианны случился выкидыш, за ним – депрессия, и, разумеется, *до свидания, Изабель*. Три недели спу-

стя – в семь лет! – она оказалась в своем первом пансионе. И вот здесь она и поняла по-настоящему, что такое одиночество.

– Изабель, ты взяла с собой еду? – окликнула Патрисия с переднего сиденья.

– Нет.

– А вино?

– Я взяла деньги, одежду и книги.

– Книги, значит, – рассеянно пробормотала Патрисия и отвернулась. – Полезные штуки. Изабель вновь уставилась в окно. Что еще она сделала не так?

Прошло несколько часов. Автомобиль медленно и мучительно полз к югу. Хорошо, что вокруг пыль столбом. Она плотным слоем покрыла стекла, заслоняя жуткие картины исхода.

Люди. Повсюду. Впереди, позади, вокруг. Толпа такая плотная, что автомобиль движется рывками, не быстрее пешехода. Это как пробираться через рой пчел – на миг разлетелись и вот опять окружают тучей. Убийственно палит солнце. Машина превратилась в духовку на колесах, которая время от времени толкает бредущих вокруг женщин... куда и зачем? Никто не знает, что происходит там, откуда они бегут, и где им искать безопасное убежище.

Автомобиль внезапно дернулся и застыл. Изабель стукнулась о спинку переднего кресла. Дети громко разревелись.

– Вот дерьмо, – пробормотал под нос мсье Умбер.

– Мсье Умбер, – строго произнесла Патрисия, – здесь дети.

Пожилая дама, медленно ковылявшая мимо, стукнула кулаком по капоту.

– Что ж, все, приехали, мадам Умбер, – объявил мсье Умбер. – Бензин кончился.

– Как?!

– Я пытался заправиться везде, где возможно, по пути, ты видела. Бензина нет, и взять его неоткуда.

– Но... так... и что же нам делать?

– Найдем где переночевать. Может, удастся уговорить брата подъехать за нами. – Осторожно, чтобы никого не задеть, Умбер открыл дверцу и выбрался на грязную дорогу. – Гляди. Вон там. Не так далеко Этамп. Там есть еда и крыша над головой, а утро вечера мудренее.

Изабель сидела неподвижно. Нет, она явно проспала что-то важное. Они что, собираются вот так просто взять и бросить машину посреди дороги?

– Вы полагаете, мы сможем добраться до Тура пешком?

Патрисия, вся взмокшая и распаренная, обернулась:

– Возможно, одна из твоих книжек тебе пригодится. Они ведь важнее, чем хлеб или вода.

Девочки, пошли, выбирайтесь из машины.

Изабель потянулась за своим чемоданом. Он застрял между сиденьями, пришлось потрудиться, чтоб его вытащить. Едва не зарывав от нетерпения, она в конце концов сумела выдернуть чемодан и, распахнув дверцу, почти вывалилась наружу.

И тут же оказалась в толпе людей, толкающих, отпихивающих и бранящих ее.

Кто-то даже попытался выхватить чемодан у нее из рук. Изабель отбилась, вцепилась в свое имущество, прижала к груди. Женщина, катившая мимо велосипед, нагруженный пожитками, в отчаянии взглянула на Изабель, в темных глазах только усталость и пустота.

Вот еще кто-то врезался в нее сзади, Изабель споткнулась, едва не упала, и только плотный поток людей удержал ее, не позволил шлепнуться в дорожную пыль. Кто-то извинился, Изабель собралась было вежливо ответить, но вдруг вспомнила про Умберов.

Она протиснулась к другой стороне машины:

– Мсье Умбер!

Никакого ответа, лишь непрерывный рокот – голоса и топот ног.

Изабель позвала Патрисию, но голос утонул в шарканье сотен ног, хрусте гравия под колесами машин. Люди все шли и шли. Упави она, и ее затопчут, она погибнет тут, в давке, в толпе соотечественников.

Стиснув ручку чемодана, Изабель присоединилась к этому маршу на Этамп.

Наступил вечер, а она все шла и шла. Мышцы ныли, стертые ступни огнем горели при каждом шаге. А вот и голод подкрался, подпихивая под ложечкой острым локотком, но что она могла поделать? Она ведь собиралась к сестре, а вовсе не готовилась к всеобщему исходу. У нее с собой любимая «Мадам Бовари» и модная книжка, которую все сейчас читали, «Унесенные ветром», да немного одежды; никакой еды или питья. Она рассчитывала, что поездка займет несколько часов. И уж точно не планировала *идти пешком* в Карриво.

На вершине небольшого холма Изабель остановилась. В лунном свете видны были тысячи людей, бредущих впереди, позади и рядом с ней. И ей ничего не оставалось, как тоже брести в этой бесконечной людской реке. Сотни путников выбрали этот холм местом отдыха. Женщины и дети устроились по обочинам, дальше в поле, в придорожных канавах и оврагах.

На дороге полно брошенных автомобилей и уже ненужных вещей – грязных, затоптанных, слишком тяжелых, чтобы тащить дальше. Дети и женщины, обессиленные, спят в обнимку в пожухлой траве, под редкими деревьями, вдоль канав.

Изабель добралась до пересохшего канала в предместье Этампа. Видно было, как толпа впереди хлынула в город, образовав пробку на главной дороге.

И она отчетливо поняла: в Этампе переночевать негде и еды тоже не найдется. Беженцы, добравшиеся туда раньше, точно полчища саранчи уничтожили в городе все съестное. И комнатов свободных тоже не осталось. И деньги ей ничем не помогут.

Что же делать?

Двигаться на юго-запад, в Тур и дальше в Карриво. Ничего иного не остается. Еще в детстве она изучила карту, планируя свои побеги в Париж, так что местность ей была знакома, если хорошенько *подумать*.

Она выбралась из толпы и осторожно двинулась в сторону от города, через поля. Повсюду на траве сидели или лежали люди. Они шевелились, перешептывались. Сотни людей. Тысячи. В дальнем конце поля она отыскала тропинку, ведущую на юг, свернула туда и неожиданно осознала, что вокруг больше никого нет. Она помедлила, привыкая к новому чувству, успокаиваясь, а затем двинулась дальше. Примерно через милю тропинка привела ее к чахлой рощице.

Изабель брела в непроглядной тьме, стараясь не обращать внимания на боль в стертых пальцах, пустой желудок и пересохшее горло. И вдруг учуяла запах дыма. И жареного мяса.

Голод обострил ее решительность, пробудил бесстрашие. Присмотрев оранжевый отблеск между деревьями, Изабель направилась напрямик к костру. Лишь в последний момент остановилась, сообразив, что это может быть опасно. Ветка предательски треснула под ногой.

– Да ладно, заглядывая на огонек, – раздался мужской голос. – Ты все равно ходишь по лесу как слон.

Изабель застыла. Какая же она дура. Для одинокой девушки такие приключения могут плохо кончиться.

– Если бы я захотел тебя прикончить, уже прикончил бы.

А вот это верно. Он запросто мог бы подкрасться к ней в темноте и перерезать горло. Она же не замечала ничего вокруг, кроме бурчания в пустом желудке и аромата жарящегося мяса.

– Мне ты можешь доверять.

Изабель таращилась в темноту, пытаясь разглядеть говорящего. Тщетно.

– Полагаю, ты в любом случае убеждал бы меня в этом.

Смех в ответ.

– Ага. А теперь иди уже сюда. У меня тут кролик жарится.

Она перебралась через каменистую промоину, вскарабкалась вверх и настороженно крадась среди серебристых в лунном свете деревьев, готовая в любой момент броситься прочь. Когда между ней и костром осталась всего пара метров, девушка остановилась.

Молодой парень сидел, привалившись к бревну.

На вид чуть старше Изабель. В свете костра толком и не разглядеть. Копна длинных спутанных волос, явно незнакомых с мылом и расческой, одежда ветхая, вся в заплатках, — Изабель невольно вспомнила беженцев в Париже, подбиравших окурки, клочки бумаги, пустые бутылки, выпрашивающих мелочь на пропитание. Парень был бледен и вообще выглядел как человек, который не знает, когда поест в следующий раз.

Но все же он предложил ей разделить трапезу.

— Надеюсь, вы джентльмен, — окликнула она его из темноты.

Он расхохотался.

— Уверена, что так. — И она робко вступила в круг света.

— Садись, — предложил он.

Изабель присела напротив. Он протянул ей бутылку вина. Она сделала глоток, потом еще, никак не могла остановиться, и он опять рассмеялся. Изабель вернула бутылку, ладонью отерла подбородок.

— Да ты пьянчужка, как я погляжу.

Она не знала, что ответить.

— Гаэтон Дюбуа, — улыбнулся он. — Друзья зовут меня Гаэт.

— Изабель Россиньоль.

— А, соловей, пташка.

Ее передернуло. Не самое оригинальное наблюдение. Да, ее фамилия означает «соловей». Мама называла их с Вианной своими соловушками, целуя на ночь. Одно из немногих детских воспоминаний.

— Почему вы бежали из Парижа? Мужчины вроде вас должны остаться и сражаться.

— Они открыли тюрьмы. Видать, лучше, чтоб мы воевали за Францию, чем сидели за решеткой, когда ворвутся немцы.

— Вы сидели в тюрьме?

— Это тебя пугает?

— Нет, просто... немного неожиданно.

— А надо бы бояться. — Он отбросил прядь волос с глаз. — Впрочем, насчет меня можешь не волноваться. У меня совсем другое на уме. Вот проведу мать с сестрой, а потом запишусь в армию. И перебыю столько этих ублюдков, сколько смогу.

— Везет тебе, — вздохнула она. И почему мужчинам в этом мире так легко делать все, что они захотят, а женщинам так трудно?

— Пошли со мной.

Но Изабель не обведешь вокруг пальца.

— Ты так говоришь только потому, что я хорошенькая девчонка и ты рассчитываешь затащить меня в койку, если соглашусь.

Он пристально смотрел на нее сквозь пламя костра. Сучья потрескивали и шипели, когда на них капал горячий жир. Он отхлебнул из бутылки, передал ей. Руки их встретились — легкое, едва заметное прикосновение.

— Если б я захотел, ты бы уже лежала рядом со мной.

— Но не по своей воле. — Она нервно глотнула.

— По своей, — произнес он таким тоном, что дыхание у нее перехватило, а кожа покрылась мурашками. — Но мне это не надо. А я сказал, что сказал — пошли со мной на фронт.

Чувство, охватившее Изабель, было настолько новым, что она никак не могла в нем разобратся. Она знала, что привлекательна. Это очевидный факт. Ей все об этом говорили. Она

замечала, какими взглядами провожали ее мужчины, как рассматривали ее волосы, зеленые глаза, пухлые губы, как задерживали взгляд на груди. Ее красоту признавали даже женщины; девчонки в школе злились и страшно ревновали к своим кавалерам, если она оказывалась поблизости, считали ее задавакой, хотя она и рта не успевала раскрыть.

Красота казалась ей еще одним элементом, обесценивающим ее, позволяющим не замечать в ней человека. Изабель предпочитала привлекать внимание другими способами. И она не была совсем уж невинна, откровенно говоря. Разве ее не выгнали Сестры Св. Франциска за то, что целовалась с мальчиком во время мессы?

Но сейчас все совсем иначе.

Он заметил, что она красива, даже в полумраке, наверняка заметил, но при этом словно и внимания не обратил. Либо ему безразлично, либо он достаточно умен, чтобы понять, что она хочет предложить миру нечто большее, чем смазливое личико.

– Я могла бы делать что-то полезное, – тихо произнесла она.

– Разумеется. Я научил бы тебя обращаться с винтовкой и штыком.

– Мне нужно в Карриво, убедиться, что с сестрой все в порядке. Ее муж на фронте.

– Мы навестим твою сестру в Карриво, – решительно сказал он. – И мою мать в Пуатье, а потом отправимся воевать.

В его устах это прозвучало как приключение, как приглашение сбежать в бродячий цирк, где выступает шпагоглотатель и веселит публику бородатая женщина.

Всю жизнь она ждала именно этого.

– Что ж, неплохой план, – заключила Изабель, не в силах скрыть улыбку.

Шесть

Проснувшись, Изабель поморгала, недоуменно разглядывая листву над головой. Села, оправила юбку, которая задралась во время сна, открыв кружевные подвязки и разодранные шелковые чулки.

– Я тут ни при чем.

Изабель обернулась. Вот сейчас она смогла рассмотреть Гаэтона как следует. Долговязый, жилистый, крепкий, а одежда будто из мусорного бака. Лицо под обтрепанной кепкой чумазое и небритое; густые брови, резкая линия подбородка и глубоко посаженные серые глаза с длинными ресницами. Смотрели эти глаза пронзительно и жестко, и взгляд был откровенно голодным. Прошлой ночью она подумала, что так он смотрит на нее. Сейчас поняла, что это его обычный взгляд на мир.

Изабель его совсем не боялась, нисколько. Она не похожа на свою сестру Вианну, которой лишь бы понять да подрожать от страха. Но уж она-то не плаксивая дурочка. И если собирается путешествовать дальше с этим мужчиной, лучше сразу прояснить некоторые вещи.

– Итак, – начала Изабель, – тюрьма.

Он приподнял бровь, словно вопрошая: «До сих пор боишься?»

– Девушка вроде тебя ничего об этой стороне жизни не знает. Я мог бы соврать, что моя история похожа на историю Жана Вальжана, и ты бы нафантазировала что-нибудь романтическое.

Всю жизнь Изабель слышала одно и то же. Снисходительным комментариям она была обязана собственной внешности. Очаровательная блондинка непременно должна быть глупенькой и легкомысленной.

– Ты что, воровал еду, чтобы прокормить семью?

– Не-а, – Он криво ухмыльнулся.

– Ты опасный тип?

– Иногда. Как ты относишься к коммунистам?

– А, так ты политический.

– Вроде того. Но я же сказал, девчонки вроде тебя ничего не знают о настоящей жизни.

– Ты удивишься, Гаэтон, но я знаю. Тюрьмы бывают разные.

– Да неужто, красotka? И что же такое тебе известно?

– Так что же ты натворил?

– Взял кое-что, мне не принадлежавшее. Устраивает?

Вор.

– И тебя поймали.

– Точно.

– Не слишком утешительно. Неужели ты был настолько беспечен, Гаэтон?

– Гаэт, – поправил он, подходя чуть ближе.

– Я пока не решила, станем ли мы друзьями.

Он коснулся ее волос, слегка потянул прядь, пропуская ее между грязными пальцами.

– Мы друзья. Бесспорно. А теперь пошли.

Он взял ее за руку, она хотела было возразить, но не стала. Они вышли из леса обратно на дорогу, смешались с толпой беженцев, которая разомкнулась и сомкнулась вокруг них, словно крепкий кулак. Одной рукой Изабель волокла свой чемодан, а другой цеплялась за Гаэтона.

Так они прошагали много миль.

Повсюду стояли заглухшие автомобили. Тележки ломались. Обессиленные лошади отказывались двигаться дальше. Изабель чувствовала, как ею овладевает безразличие, от жары, жажды, пыли навалилась тупая вялость. Какая-то женщина плелась рядом, она плакала, и слезы

ее были черными от грязи, а потом ее сменила старуха в меховом пальто, которая страшно потела и, похоже, нацепила на себя все свои драгоценности.

Солнце поднималось все выше, зной становился невыносимым. Дети ныли, женщины стонали. Удушливый запах пота стоял над толпой, но Изабель, похоже, притерпелась и не понимала, воняет от людей или от нее самой.

Примерно в три часа пополудни, самое жаркое время дня, она заметила французских солдат, шагавших рядом, с оружием в руках. Солдаты шли вразброд, не строем. Позади загрохотал танк, давя брошенный на обочинах скарб. Несколько бледных солдат сидели на броне, понуро опустив головы. Оттолкнув Гаэтона, Изабель ринулась сквозь толпу к военным.

– Вы не туда идете! – возмущенно выкрикнула она, удивившись хриплости своего голоса.

Гаэтон набросился на ближайшего солдата, толкнул с такой силой, что тот упал, едва не угодив под ползущее мимо железное чудовище.

– Кто будет воевать за Францию?

Солдат замотал головой:

– Никто.

Блеснул металл, Изабель увидела, как Гаэтон приставил нож к горлу несчастного парня. Тот зло закричал:

– Ну давай! Режь! Кончай меня.

Изабель оттолкнула Гаэтона. Дикая злость в его глазах испугала ее. Он действительно мог это сделать, мог перерезать горло человеку. И вспомнила: *Они открыли тюрьмы*. А что, если он гораздо хуже, чем вор?

– Гаэт? – позвала она.

И ее голос сумел прорваться сквозь пелену гнева. Он тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и опустил нож.

– Кто же будет воевать? – горько спросил он, закашлявшись от пыли.

– Мы, – решительно заявила она. – Скоро.

Позади пронзительно засигналил автомобиль. Изабель даже не обернулась. Автомобиль теперь ничем не лучше пешехода – те немногие, что были еще на ходу, могли передвигаться только милостью людей, плотно державших их, словно заросли тростника в заболоченной реке.

– Пойдем. – Изабель решительно поволокла Гаэтона прочь от растерянных солдат.

Они двинулись дальше, все так же держась за руки. Изабель заметила, как изменился Гаэтон: он больше не улыбался и почти все время молчал.

В каждом очередном городке толпа редела. Люди оседали в Артене, Саране и Орлеане, глаза их загорались надеждой, руки тянулись к кошелькам, карманам, они рассчитывали, что наконец-то смогут что-то купить за деньги.

Но Изабель и Гаэтон продолжали путь. Они шли весь день, с наступлением темноты рухнули спать, а наутро вновь пустились в дорогу. К третьему дню Изабель впала в ступор от изнеможения. Между пальцами ног и на пятках надулись кровавые волдыри, каждый шаг причинял жуткую боль. Дико болела голова, живот сводило от голода. Пыль забила горло, Изабель то и дело заходила в кашле.

Она равнодушно миновала свежую могилу на обочине дороги с грубо сколоченным деревянным крестом. Споткнулась обо что-то мягкое –дохлая кошка – и едва не упала. Гаэтон успел ее подхватить.

Давно она слышит этот странный звук?

Час? Или день?

Пчелы. Жужжат и жужжат. Изабель облизнула пересохшие губы и вспомнила, как славно было сидеть в саду летним днем и слушать жужжание пчел.

Нет.

Это не пчелы.

Она знает этот звук.

Изабель остановилась. Мысли путались.

Жужжание нарастало, заполняя все пространство, а затем появились самолеты, шесть или семь, – крошечные распятия на фоне голубого безоблачного неба.

Изабель из-под ладони следила, как они приближаются, опускаются ниже...

Кто-то крикнул:

– Боши!

Каменный мост в отдалении взорвался фонтаном осколков в клубах дыма и пламени.

Самолеты уже летели совсем низко, прямо над людьми.

Гаэтон швырнул Изабель на землю, накрыл своим телом. Мир обратился в звук: рев двигателей, *тра-та-та-та* пулеметов, удары сердца, крики. Пули вырывали траву ровными рядками, люди вопили. Изабель увидела, как женщину подбросило в воздух, будто тряпичную куклу.

Срезанные выстрелами верхушки деревьев валились на головы. Вспыхнуло пламя. Все заволокло дымом.

А потом... тишина.

Гаэтон скатился с нее:

– Жива?

Она села, растерянно озираясь.

Повсюду человеческие тела и огонь, и черные клубы дыма. Крики, рыдания, смерть.

– Помогите, – застонал старик рядом.

Изабель подползла к нему и вдруг поняла, что земля пропитана кровью. Сквозь разорванную рубашку увидела вспоротый живот, вывалившиеся наружу внутренности.

– Может, где-то есть врач, – все, что она могла сказать. Или подумать. И услышала его вновь, этот звук.

– Они возвращаются! – Гаэтон потянул ее к канаве.

Изабель подчинилась, оскальзываясь на окровавленной траве. Совсем рядом взорвалась бомба. Изабель заметила малыша, который стоял над мертвой матерью.

Она бросилась к ребенку. Гаэтон перехватил ее.

– Я должна помочь...

– Твоя смерть ничем не поможет ему! – прорычал он, до боли стиснув ее.

Они бежали и бежали, петляли меж развороченными машинами и мертвыми телами, кровоточащими, с оторванными конечностями, торчащими костями.

На окраине городка Гаэтон втащил Изабель в маленькую церквушку. Здесь уже было полно народу, люди жались по углам, прятались между скамьями.

Гул моторов мешался с грохотом выстрелов. Витражные окна задребезжали, кусочки цветного стекла брызнули на пол. Потолочные балки натужно заскрипели, сверху посыпались мелкие камешки. Пули засвистели в самой церкви, прибивая к полу руки и ноги. Взорвался алтарь.

Гаэтон что-то прокричал, она ответила или подумала, что ответила, но, прежде чем Изабель сообразила, что происходит, очередная бомба вонзилась в церковь и крыша над их головами разлетелась.

Семь

По городским меркам местная *ecole elementaire* – школа небольшая, но довольно просторная и неплохо укомплектованная, а для ребятишек из коммуны Карриво так и вовсе громадная. Прежде чем стать школой, это здание служило конюшней богатому феодалу, а на центральном дворе, вокруг которого подковой выстроились хозяйственные постройки, была стоянка карет и еще хватало места для маленького рынка. Школа могла гордиться прочными каменными стенами, яркими синими ставнями и старинными деревянными полами. Главное здание, сооруженное в том же стиле, разрушили еще во время Великой войны, его так и не восстановили. Подобно многим школам во французских городках, эта тоже стояла на окраине.

Вианна сидела за учительским столом и, нервно теребя смятый платок, разглядывала детские лица. На полу рядом с каждой партой – противопоаз. Сейчас дети носят их с собой повсюду.

Открытые окна и толстые каменные стены облегчали жизнь, но все равно жара утомляла. Боже правый, и без того трудно сосредоточиться. Новости из Парижа просто ужасают. Все только и говорят, что о туманном будущем и шокирующем настоящем: немцы в Париже. Линия Мажино прорвана, французские солдаты гибнут в окопах и бегут с фронта. Вот уже три ночи – после телефонного звонка отца – она не спит. Изабель бог знает где между Парижем и Карриво, от Антуана никаких вестей.

– Кто хочет проспрягать глагол «бежать»? – устало спросила она.

– А разве нам не надо учить немецкий?

До Вианны не сразу дошел смысл вопроса. Школьники заинтересованно ждали ответа, глаза светились любопытством.

– Простите? – Чуть откашлявшись, она попыталась выиграть время.

– Нам теперь надо учить немецкий, а не французский.

Жиль Фурнье, сын мясника. Его отец и три старших брата на фронте, хозяйство ведут они вдвоем с матерью.

– И стрелять, – подхватил Франсуа. – Мама говорит, нам нужно научиться стрелять, чтобы убивать немцев.

– А моя бабушка говорит, что нам всем нужно бежать, – сказала Клер. – Она помнит прошлую войну и говорит, что мы будем совсем дураками, если останемся.

– Немцы же не перейдут за Луару, правда, мадам Мориак?

Софи сидит за первой партой, по центру, руки крепко сцеплены, глаза широко распахнуты. Она не меньше, чем Вианна, напугана последними слухами. Перед сном плачет, вспоминая об отце. И даже в школу теперь берет старичка Бебе. Ее подружка и соседка по парте Сара также встревожена и напугана.

– Это нормально, что вы боитесь, – успокоила Вианна. Именно эти слова она сказала накануне вечером Софи, именно так она утешает себя, но прозвучали они неубедительно.

– Я не боюсь! – заявил Жиль. – У меня есть нож. Я убью каждого боша, который сунется в Карриво.

– В Карриво? – вскрикнула Сара.

– Нет, здесь их не будет! – отрезала Вианна. Возражение далось нелегко, собственный ее страх так и норовил прорваться наружу. – Солдаты Франции – ваши отцы, дяди и братья – самые храбрые бойцы в мире. Они сражаются за Париж, Тур и Орлеан даже сейчас, когда мы с вами беседуем.

– Но Париж немцы захватили, – возразил Жиль. – А где же наши солдаты?

– На войне бывают большие сражения и мелкие стычки. Иногда приходится отступать. Но наша армия никогда не позволит немцам победить. Мы никогда не сдадимся. – Она вышла

в центр класса. – Но у нас, тех, кто остался в тылу, тоже есть свои задачи. Мы должны быть храбрыми и сильными и должны верить в лучшее. Мы должны продолжать жить и поддерживать порядок, чтобы наши отцы, братья и... мужья могли вернуться в свои дома, понимаете?

– А что с тетей Изабель? – спросила Софи. – Дедушка сказал, что она уже должна приехать.

– Мой кузен тоже убежал из Парижа, – сообщил Франсуа. – И тоже не приехал.

– Дядя говорит, на дорогах сейчас неспокойно.

Прозвенел звонок, дети выскочили из-за парт. В мгновение ока были позабыты самолеты, бомбы, война и страхи. Они опять стали просто ребятами, у которых закончился школьный день, а на дворе прекрасная летняя погода. И вели себя, как положено всем детям их возраста – горланили, болтали, хохотали, толкались и пулей вылетали за дверь.

Вианна вздохнула с облегчением. Бога ради, она всего лишь учительница. Что она может им рассказать о нынешних ужасах? Как помочь справиться со страхами, когда с трудом скрываешь свой собственный? Она старалась отвлечься в обычных заботах: подбирала мелкий мусор, оставленный учениками, вытирала доску, ставила на место учебники. Наведя порядок в классе, сложила свои бумаги и карандаши в кожаную папку и вынула из ящика стола сумочку. Затем надела соломенную шляпку и, аккуратно поправив ее, вышла из класса.

Вианна шла опустевшими коридорами, взмахом руки прощаясь с коллегами, задержавшимися в своих кабинетах. Некоторые классы были закрыты, учителей-мужчин призывали в армию.

У дверей класса Рашель она замедлила шаг, глядя, как подруга сажает сына в коляску. Рашель хотела было взять отпуск и посидеть дома с Ари, но теперь все изменилось. Ничего не остается, приходится брать малыша с собой на работу.

– Ты выглядишь так, как я себя чувствую, – сказала Вианна.

Волосы у Рашель распушились от влажного воздуха, их будто стало в два раза больше.

– Не похоже на комплимент, но я в таком отчаянии, что буду считать это все-таки комплиментом. А у тебя щека мелом измазана, кстати.

Вианна рассеянно вытерла щеку и наклонилась над коляской. Малыш спал, громко посапывая.

– Как он?

– Для десятимесячного карапуза, которому положено сидеть дома с мамой, а вместо этого он шляется по городу под гул вражеских бомбардировщиков и днями напролет вынужден слушать визги десятилетних школьников, просто отлично. – Рашель с улыбкой отбросила с лица влажную прядь. – Что, кисну я, да?

– Не больше, чем все мы.

– Ха! Сарказм помогает выжить. От этих твоих улыбочек и притворства у меня крапивница начинается.

Коляска прогромыкала по трем ступенькам, и женщины вышли в просторный двор, заросший травой, где в давние времена выгуливали лошадей. В центре двора журчал и брызгал водой четырехсотлетний каменный фонтан.

– Девочки, пойдемте! – окликнула Рашель Софи и Сару, дожидавшихся на лавочке. Девчонки поспешили за ними, о чем-то оживленно болтая и держась за руки. Второе поколение закадычных подруг.

Они вывернули из переулка на улицу Виктора Гюго прямо перед бистро, где на террасе старики потягивали кофе, курили и рассуждали о политике. Впереди по улице плелись три изможденные женщины в потрепанной одежде, с желтыми от дорожной пыли лицами.

– Бедняжки, – выдохнула Рашель. – Утром Элен Рюэль сообщила новость: вчера в городе появилась еще дюжина беженцев. Они ей жуткие вещи рассказали. Впрочем, ты знаешь, как Элен любит приукрасить.

В другое время Вианна непременно отпустила бы колкость в адрес сплетницы Элен, но сейчас ей было не до замечаний. Отец сказал, что Изабель покинула Париж несколько дней назад. Но она до сих пор не появилась в Ле Жарден.

– Я беспокоюсь за Изабель, – сказала она.

Рашель подхватила подругу под руку:

– Помнишь, как твоя сестра сбежала из пансиона в Лионе?

– Ей тогда было семь лет.

– И она добралась до Амбуаза. Одна. Без денег. Две ночи провела в лесу и сумела сесть в поезд.

Из тех времен Вианна почти ничего не помнила, кроме собственного горя. Потеряв ребенка, она была в отчаянии. Вычеркнутый из жизни год, сказал тогда Антуан. И она тоже так думала. Когда Антуан сообщил, что отвезет Изабель в Париж к отцу, Вианна почувствовала – Господи, прости – облегчение.

Неудивительно, что Изабель сбежала из пансиона, в который ее отправили. До сих пор Вианну мучило чувство вины за то, как она обошлась с младшей сестрой.

– Первый раз она сбежала в Париж, когда ей было девять, – сказала Вианна, надеясь найти утешение в знакомой истории. Изабель ведь всегда была несгибаемой и целеустремленной.

– Если не ошибаюсь, пару лет спустя ее опять исключили за то, что отправилась посмотреть бродячий цирк. Или в тот раз она вылезла из окна второго этажа по простыне? – улыбнулась Рашель. – Так или иначе, если Изабель захочет, то скоро будет здесь.

– Помоги, Господи, любому, кто попытается ее остановить.

– Вот увидишь, она придет. Наверняка. Если только по дороге не встретит принца в изгнании и не влюбится.

– С ней и такое может случиться, – хмыкнула Вианна.

– Ну что, уже полегчало? – поддразнила Рашель. – Пошли ко мне, выпьем лимонаду. В такой жаркий день – самое то.

После ужина Вианна уложила Софи и спустилась в столовую. Она слишком нервничала, не могла усидеть на месте ни секунды. Несмотря на разговоры с Рашель, ее не покидали дурные предчувствия. Вианна села, снова встала, подошла к двери, открыла.

Под лилово-розовым закатным небом царил покой. Во дворе тщательно обрезанные яблони, дальше старинная каменная стена, увитая виноградом и розами, заслоняет дом со стороны дороги, ведущей в город. А за ней – акры и акры полей с торчащими кое-где деревцами. Правее начинается настоящий лес, куда они с Антуаном сбежали в юности от посторонних взглядов.

Антуан.

Изабель.

Где они сейчас? Он на фронте, а она идет пешком из Парижа?

Не думай об этом.

Ей нужно было чем-то занять руки. Садам, например. Отвлечься.

Достав поношенные садовые перчатки и надев стоявшие у двери ботинки, она отправилась к клочку земли между амбаром и сараем. Картофель, лук, морковь, брокколи, горох, бобы, огурцы, помидоры и редис росли ровными рядами. На пригорке у амбара – ягодные кусты, малина и ежевика. Вианна встала коленями на темную, маслянистую землю и принялась воевать с сорняками.

Она любила начало лета, это предвкушение будущего урожая. Бывало, конечно, и жарковато в это время года, но если не пренебрегать ежедневными обязанностями, старательно пропалывать и прореживать, с сорняками обычно удавалось справиться. Вианна всегда очень

продуманно устраивала грядки. И сад дарил ей гораздо больше, чем она ему. Здесь она обрела покой.

Но вдруг в мире что-то изменилось. Сначала звуки – гул, дрожь, глухой ропот. Потом появился странный запах, которому совершенно не место в цветущем благоухающем саду, – резкий, кисловатый запах гниения.

Вианна вытерла лоб, размазывая по лицу грязь, и поднялась на ноги. Запихнув грязные перчатки в карманы штанов, она пошла к воротам. На дороге, словно изваянные из тьмы, возникли три женщины.

Старуха в лохмотьях, молодая женщина с младенцем и девочка-подросток с пустой клеткой для птиц в руках. Все три – с лихорадочными, остекленевшими глазами, а молодую мать била крупная дрожь. Пожилая женщина протянула грязные ладони.

– У вас не найдется немного воды? – спросила она, но голос звучал так слабо и робко, словно она заранее смирилась с отказом.

Вианна открыла ворота:

– Конечно. Может, зайдете? Присядете на минутку.

Пожилая женщина покачала головой:

– Мы их опережаем. Тем, кто сзади, ничего не останется.

Вианна не поняла, что она имела в виду, но, впрочем, это было неважно. Она видела, что женщины устали и голодны.

– Одну секунду. – Она зашла в дом, собрала немного хлеба, морковки, кусок сыра. Все, чем могла поделиться. Налила воды в бутылку из-под вина и вернулась к воротам. – Тут, конечно, немного...

– Тут больше, чем у нас было с самого Тура, – лишенным выражения голосом ответила молодая женщина.

– Вы были в Туре?

– Пей, Сабин. – Старуха поднесла бутылку к губам девочки.

Вианна как раз собиралась спросить про Изабель, когда старуха неожиданно резко буркнула:

– Они здесь.

Молодая женщина застонала негромко и крепче прижала к себе младенца. Он был такой тихий, а его кулачок такой бледный... У Вианны перехватило дыхание.

Ребенок был мертв.

Вианна слышала о таком – о горе, которое не отпускает, горе, калечащем рассудок и заставляющем мать надеяться, когда никакой надежды уже не осталось.

– Ступай в дом, – приказала старуха Вианне. – Запри двери.

– Но...

Оборванная троица отшатнулась, как будто ее дыхание вдруг стало ядовитым.

А потом Вианна увидела странное темное пятно, ползущее через поле к дороге.

Запах предупреждал о приближении толпы. Запах пота и грязи. Они все ближе, и вот уже сплошная черная масса распалась на отдельные фигуры. Люди – и в поле, и на дороге – шагали, хромали, надвигались на нее. Кто-то толкал перед собой коляску или велосипед, кто-то волок тележку. Лаяли собаки, где-то плакали дети. Слышались кашель и стоны. Они неумолимо приближались, тесня и отталкивая друг друга, голоса звучали все громче.

Всем им Вианна не могла помочь. Она бросилась в дом, заперла дверь, промчалась по всем комнатам, закрывая ставни. Наконец остановилась в гостиной, тяжело дыша.

Дом вздрогнул, слегка. Задребезжали стекла, с потолочных балок посыпалась пыль. Кто-то колотил во входную дверь. Грохот не стихал, кулаки молотили по дереву, как кувалды, и Вианна вздрагивала от каждого удара.

По лестнице сбежала Софи, прижимая к груди Бебе:

– Мама!

Вианна подхватила дочь на руки. Теперь стучали и в заднюю дверь тоже. Висящие в кухне кастрюли и сковородки звенели, как церковные колокола. Снаружи раздался звук заработавшей колонки. Они набирали воду.

Вианна сказала Софи:

– Подожди здесь секундочку. Посиди на диване.

У камина она взяла тяжелую кочергу и осторожно, на цыпочках, поднялась по лестнице. В спальне выглянула в окно, стараясь остаться незамеченной.

Во дворе толпились десятки людей, в основном женщины и дети, но вели они себя как стая голодных волков. Голоса сливались в один отчаянный рык.

Вианна отошла от окна. Что, если двери не выдержат? Такая толпа не то что двери, и стены может снести.

Дрожа от ужаса, она спустилась вниз, не в силах вдохнуть, пока не увидела Софи, сидевшую на диване. Вианна пристроилась рядом, обняла дочь, которая под ее ласковыми руками тут же свернулась в клубочек. Хорошая, сильная мать могла бы сейчас рассказать ребенку какую-нибудь поучительную историю. Но у Вианны от страха пропал голос. Все, на что ей хватало сил, – молиться. Молиться безмолвной молитвой без начала и конца. *Господи*.

Она прижала дочь к себе покрепче:

– Засыпай, Софи. Я с тобой.

– Мама, – Голос Софи был едва слышен из-за грохота снаружи, – а что, если там тетя Изабель?

Вианна посмотрела на маленькое серьезное личико дочери.

– Помоги ей Боже, – только и смогла она ответить.

Увидев серый каменный дом, Изабель совсем лишилась сил. Гаэтон открыл ворота, которые почему-то отчаянно закричали и повисли на одной петле.

Опираясь на него, Изабель доковыляла до входной двери и дважды постучала, вздрагивая от каждого прикосновения окровавленных костяшек к дереву.

Никто не ответил.

Она заколотила кулаками, попыталась позвать сестру по имени, но голос окончательно сел.

Изабель отшатнулась, чуть не упав от охватившего ее чувства поражения.

– Где тут можно поспать? – спросил Гаэтон, поддерживая ее за талию.

– Сзади. В беседке.

Он провел ее вокруг дома, на задний двор. Здесь, в благоухающем жасмином убежище, Изабель рухнула на колени. Она не заметила, что Гаэтон куда-то пропал, а потом вернулся и принес теплой воды, которую она пила из его сложенных лодочкой ладоней. Этого было мало. Живот заурчал от голода, глубоко внутри скрутило. И все же, когда он попытался снова отойти, она потянулась за ним, что-то бормоча, – наверное, просила не оставлять ее одну, и он опустился рядом, подложил руку ей под голову. Так они лежали на теплой земле, глядя на темный покров из виноградных листьев и ветвей над головами. Ароматы жасмина, цветущих роз и влажной почвы смешивались в чудесный букет. Но даже здесь, в тишине, она не могла забыть о том, через что им пришлось пройти совсем недавно... и о том, что ждало их в ближайшем будущем.

Она видела, как Гаэтон изменился. Ярость и гнев стерли улыбку с его губ, сострадание из глаз тоже куда-то пропало. После бомбежки он почти все время молчал, а если и говорил, то короткими, отрывочными фразами. Они оба начали понимать войну, понимать, что их ждет.

– Ты можешь остаться здесь, в безопасности, с сестрой, – сказал он.

– Я не хочу безопасности. А сестра не захочет, чтобы я тут оставалась.

Она повернулась и посмотрела на него. При свете луны, пробивавшемся сквозь листву, видны были глаза, губы, а нос и подбородок скрывались в темноте. Всего несколько дней будто прибавили ему несколько лет. От него пахло кровью, грязью и смертью – как, впрочем, и от нее.

– Слышал про Эдит Кавелл? – спросила она.

– Я что, по-твоему, похож на образованного?

Она подумала секунду и уверенно ответила:

– Да.

На этот раз он молчал так долго, что Изабель поняла: похоже, ей удалось-таки его удивить.

– Слышал. Спасла кучу пилотов авиации союзников во время Великой войны. Это она сказала, что «патриотизма недостаточно». И это твоя героиня – женщина, которую расстреляли?

– Женщина, которая изменила ход истории. Пусть и совсем немного, – ответила Изабель. – И я рассчитываю, что ты – преступник и коммунист – поможешь и мне изменить ход истории. Может, я и правда сумасшедшая, как говорят.

– Кто говорит?

– Все. – Она замолчала. Изабель давно научилась никому не доверять, но ничего не могла с собой поделать – ей хотелось верить Гаэтану. Он относился к ней как к человеку. – И ты мне поможешь. Как и обещал.

– Знаешь, как скрепляют такие сделки?

– Как?

– Поцелуем.

– Очень смешно. Я, между прочим, серьезно.

– Что может быть серьезней поцелуя на пороге войны? – Он почти улыбнулся, но во взгляде время от времени мелькали искры гнева, и это пугало, ведь она по-настоящему ничего о нем так и не узнала.

– Я поцеловала бы того мужчину, у которого хватило бы храбрости взять меня с собой на войну.

– Похоже, ты ничего не понимаешь в поцелуях, – вздохнул он.

– Можно подумать, ты много понимаешь. – Она откатилась в сторонку и тут же затосковала без ощущения его тепла. С деланным равнодушием придвинулась обратно и оказалась с ним лицом к лицу, чувствуя его дыхание.

– Я хочу взять тебя с собой. – Он положил руку ей на затылок, притянул к себе и прошептал, почти касаясь ее губ своими: – Ты уверена?

Изабель не понимала, спрашивает он о войне или о поцелуе, но сейчас это было неважно. Раньше Изабель запросто целовалась с парнями, щедро рассыпая свои милости и совершенно не задумываясь о том, – она не придавала никакого значения подобным пустякам. Но никогда прежде ей не хотелось поцелуя по-настоящему.

– Да, – шепнула она.

От его поцелуя словно что-то раскрылось, развернулось в сердце. Впервые в жизни она поняла, о чем написано в дамских романах; поняла, что душа женщины может измениться так же стремительно, как меняется мир в начале войны.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Она не произносила этих слов с четырех лет, и тогда они предназначались маме. Внезапно лицо Гаэтана застыло, улыбка стала такой натянутой и фальшивой, что Изабель растерялась.

– Что случилось? Я сделала что-то не так?

– Нет. Конечно, нет.

– Как же нам повезло, что мы встретились, – сказала она.

– Нам жутко не повезло, Изабель. Уж поверь. – И с этими словами он привлек ее к себе и поцеловал.

Она отдалась этому поцелую, заполнившему всю ее вселенную, и наконец поняла, каково это – быть кому-то нужной.

Проснувшись, Вианна прислушалась к тишине. Где-то пела птица. Рядом ворочалась и бормотала во сне Софи.

Вианна встала, подошла к окну, открыла ставни.

Обломанные ветви яблонь свисали, словно сломанные руки; створки ворот болтались на одной петле – остальные две были сорваны. Поле и луг через дорогу вытоптаны. Беженцы разбросали свои пожитки повсюду – чемоданы, тележки, теплую одежду, нести которую слишком тяжело, а надеть на себя – жарко; попадались даже подушки.

Вианна спустилась на первый этаж и осторожно повернула ключ в замке. Прислушалась – тишина. Наконец отважилась повернуть ручку и отворить дверь.

Огород погиб. Они выдрали все, что выглядело хотя бы отчасти съедобным, оставив после себя лишь сломанные стебли и вытоптанные грядки.

Охваченная отчаянием, Вианна обогнула дом. Задний двор тоже разорен. Разрушено все.

Она уже собиралась вернуться в дом, но тут услышала странный звук. Какое-то хныканье. Словно детский плач.

Вот опять. Неужели кто-то бросил младенца?

Вианна подкралась к беседке, увитой жасмином и розами.

Свернувшись клубочком, прямо на земле лежала Изабель – платье изорвано в клочья, лицо в порезах и синяках, левый глаз заплыл, а к корсажу приколот листок бумаги.

– Изабель!

Подбородок сестры слегка дернулся, она приоткрыла один воспаленный глаз.

– Ви, – произнесла она надтреснутым, сухим голосом. – Спасибо, что не позволила войти в дом.

Вианна опустилась на колени, склонилась к сестре:

– Изабель, ты вся в крови. Тебя...

Изабель не сразу поняла, что имеет в виду сестра.

– А, нет. Кровь не моя. Ну, по большей части не моя. – Она огляделась по сторонам: – А где Гаэт?

– Кто?

Изабель с трудом поднялась на ноги, покачнулась.

– Он что, бросил меня? Нет, правда. – Она заплакала. – Он ушел без меня.

– Пойдем, – тихо позвала Вианна.

Она провела сестру в прохладу дома, где та сбросила стоптанные грязные туфли и поплелась в ванную, оставляя кровавые следы на лестнице.

Пока Вианна подогревала воду и наполняла ванну, Изабель сидела на полу, раскинув грязные ноги, бормотала себе под нос и размазывала слезы по пыльным щекам.

Когда ванна была готова, Вианна помогла Изабель раздеться. Та покорно подчинилась и только всхлипывала от боли.

Вианна расстегнула некогда красное платье Изабель, стянула его, боясь, что сестра рухнет от малейшего неосторожного движения. Кружевное белье Изабель местами было в пятнах крови. Вианна распустила завязки, осторожно сняла его.

Стиснув зубы, Изабель забралась в ванну.

– Откинсь назад.

Вианна пустила струю теплой воды на голову сестры, стараясь не попасть на лицо. Отмывая спутанные волосы и израненное тело, она все время лепетала какую-то бессмысленную

успокаивающую ерунду. Потом помогла сестре выбраться из ванны, вытерла ее мягким белоснежным полотенцем, натянула ночную рубашку, благоухающую лавандой и розовой водой.

– Может, поспишь?

– Поспишь... – пробормотала Изабель, и голова ее бессильно качнулась.

Изабель едва добралась до кровати, глаза ее закрывались. Уснула она прежде, чем голова коснулась подушки.

Изабель проснулась в темноте.

Где она?

Она села в кровати так резко, что голова закружилась. Перевела дыхание, огляделась.

Спальня в Ле Жарден. Ее старая комната. Никаких теплых чувств. Как часто мадам Жуть запирала ее здесь «для ее же блага»?

– Не думай об этом, – вслух произнесла она.

Но тут же всплыли гораздо худшие воспоминания. Гаэтон. Он бросил ее. И тут же всепоглощающее чувство разочарования, так хорошо знакомое, накрыло ее.

Неужели она *ничему* не научилась в жизни? Люди бросают. Это она знала. Они бросают всех, но особенно – ее.

Изабель надела бесформенное синее домашнее платье, которое Вианна оставила в изножье кровати, спустилась по узкой лестнице, держась за металлические перила. Каждый отдающийся болью шаг казался маленькой победой.

Внизу было тихо, только радио едва слышно бормотало что-то. А, Морис Шевалье поет о любви. *Прелестно*.

Вианна, в клетчатом фартуке поверх желтого домашнего платья, хлопотала в кухне. Волосы подвязаны цветастым платком. Она чистила картошку, а в чугунном котелке уже аппетитно булькало.

От запахов рот наполнился слюной.

Вианна бросилась ей навстречу, подтащила стул:

– Садись.

Изабель устало опустилась на стул. А Вианна уже протягивала ей тарелку: ломоть еще теплого хлеба, треугольник сыра, горка айвового пюре и несколько ломтиков ветчины.

Красной, в ссадинах, рукой Изабель поднесла к лицу хлеб, вдохнула его дрожжевой запах. Рука дрожала, когда она, ухватив нож, намазывала хлеб сыром и джемом. Изабель откусила кусочек – лучшая еда в ее жизни. Хрустящая хлебная корочка, воздушная нежная мякоть, кремовый сыр – она едва не упала в обморок. А потом уплетала как безумная, едва заметив чашку *café noir*, что поставила перед ней сестра.

– А где Софи? – с набитым ртом поинтересовалась Изабель. Невозможно оторваться от еды, даже ради приличия. Она потянулась за персиком, надкусила его пушистую спелую кожицу. Сок потек по подбородку.

– У соседей, играет с Сарой. Помнишь мою подружку Рашель?

– Помню.

Вианна налила себе чашку крепкого кофе и присела за стол к сестре.

Изабель сыто рыгнула, прикрыв рот ладонью.

– Извини.

– Думаю, мы можем не обращать внимания на изящные манеры, – улыбнулась Вианна.

– О, ты не знаешь мадам Дюфур. Она бы дала мне кирпичом по башке за такое преступление. – Снова разболелся живот, подступила тошнота. Она отерла подбородок рукавом. – Какие новости из Парижа?

– Над Эйфелевой башней развевается флаг со свастикой.

– А как папа?

– Говорит, в порядке.

– Держу пари, переживает из-за меня, – с горечью произнесла Изабель. – Не надо было ему меня отсылать. Но когда он поступал иначе?

Они коротко переглянулись. Одно из немногих общих воспоминаний, эта общая неприкаянность и брошенность, но Вианна определенно не хотела об этом вспоминать.

– Говорят, беженцев больше десяти миллионов.

– Никогда не видала таких огромных толп, – согласилась Изабель. – И в основном женщины и дети, Ви, да еще старики. А они просто... просто расстреливали нас.

– Но все уже позади, – вздохнула Вианна, – давай думать о хорошем. Кто такой Гаэтон? Ты вчера все время повторяла это имя.

Изабель ковырнула подсохшую царапину на запястье, слишком поздно сообразив, что не надо бы этого делать. Ранка опять начала кровить.

– Может, он как-то связан с этим, – нарушила Вианна затянувшееся молчание и вытащила из кармана фартука скомканный клочок бумаги. Записка, которая была приколот к платью Изабель. На бумаге грязные отпечатки окровавленных пальцев и три слова: *Ты не готова*.

Изабель почувствовала, как мир уходит из-под ног. Дурацкая детская реакция, она прекрасно понимает, но все равно очень и очень больно. Он ведь хотел взять ее с собой, пока не поцеловал. Но каким-то образом почувствовал ее несостоятельность.

– Да никто он, – сухо бросила Изабель, забирая у Вианны записку. – Просто парень с хитрой мордой, лгун и мошенник. Никто. – И продолжила, глядя прямо в глаза Вианны: – Я уйду на фронт. И мне плевать, кто и что подумает. Я могу водить санитарную машину или перевязывать раненых. Все что угодно.

– О, ради всего святого, Изабель. Париж оккупирован. Нацисты в городе. Что может сделать восемнадцатилетняя девчонка?

– Я не собираюсь прятаться в деревне, пока нацисты уничтожают Францию. Будем откровенны, ты никогда не испытывала ко мне родственных чувств. – Лицо ее стало жестким. – Я уйду, как только смогу передвигаться.

– Изабель, здесь ты в безопасности. Только это имеет значение. Ты должна остаться.

– В безопасности? – презрительно фыркнула Изабель. – Вианна, ты действительно считаешь, что это самое важное? Я скажу тебе, что я видела своими глазами. Французскую армию, которая бежит от врага. Бошей, которые безнаказанно убивают мирных жителей. Ты, если угодно, можешь не обращать на это внимания, но я – нет.

– Ты останешься здесь. И не будем больше это обсуждать.

– Да когда я была в безопасности рядом с тобой, Вианна? – горько сказала Изабель и увидела боль в глазах сестры.

– Я была молода. И пыталась стать матерью для тебя.

– О, прошу, давай не будем начинать с вранья.

– После того как я потеряла ребенка...

Изабель отвернулась, поднялась и поковыляла к двери, пока сестра не успела произнести что-нибудь непоправимое. Стиснув руки, чтобы не дрожали. Вот именно поэтому она не хотела возвращаться в этот дом и встречаться с сестрой, именно поэтому столько лет здесь не появлялась. Слишком больно. Она включила радио погромче, заглушая собственные мысли.

– ...Маршал Петен обращается к вам... – донеслось из динамика сквозь потрескивания.

Изабель нахмурилась. Петен – герой Великой войны, всеми уважаемый национальный лидер.

Вианна тоже подошла поближе, прислушиваясь.

– ...Я принимаю руководство правительством Франции...

Помехи заглушали его голос. Изабель нетерпеливо покрутила ручку громкости.

– ...Наша героическая армия, достойная славных военных традиций прошлого, отважно сражающаяся против врага, превосходящего по мощи и численности...

Опять помехи. Изабель постучала по радиоприемнику, прошипела сердито:

– Да чтоб тебя!

– ...В это тяжелое время я думаю о несчастных беженцах, заполнивших сейчас дороги Франции, об их невероятных страданиях. Я выражаю им свое сочувствие и тревогу об их судьбе. С тяжелым сердцем говорю я вам сегодня, что необходимо прекратить борьбу.

– Мы победили? – растерянно спросила Вианна.

– Ш-ш-ш, – раздраженно отмахнулась Изабель.

– ...Вчера я обратился к противнику с вопросом, готов ли он обсудить со мной, как солдат с солдатом, с достоинством и уважением, условия прекращения боевых действий, дабы положить конец войне.

Старческий голос продолжал бубнить что-то о «тяжелых днях» и «прекратить страдания» и, самое гнусное, – о «судьбах родины». А потом он произнес слово, которое Изабель и представить не могла в устах француза.

Капитуляция.

Изабель, спотыкаясь, едва волоча израненные ноги, вышла во двор – ей срочно нужен был глоток свежего воздуха.

Франция. *Сдается.* Гитлеру.

– Должно быть, все к лучшему, – спокойно заметила сестра.

И откуда она тут взялась?

– Ты же знаешь маршала Петена. Он безусловный герой. Если он говорит, что мы должны прекратить борьбу, значит, мы так и должны поступить. Уверена, он сумеет договориться с Гитлером. – И Вианна потянулась к сестре.

Изабель отшатнулась. От одной мысли, что Вианна начнет ее утешать, снова к горлу подкатила тошнота.

– С такими людьми, как Гитлер, нельзя *договариваться*.

– То есть ты знаешь больше, чем наши национальные герои?

– Я знаю, что мы не должны сдаваться.

Вианна недовольно цокнула языком, сдержанно демонстрируя раздражение.

– Если маршал Петен полагает, что капитуляция – лучший выход для Франции, так оно и есть. Временно. По крайней мере, военные действия закончатся и наши мужчины вернутся домой.

– Ты просто дура.

– Отлично. – Развернувшись, Вианна вернулась в дом.

Приложив ладонь к глазам, Изабель смотрела в безоблачное голубое небо. Как долго еще оно будет оставаться таким же голубым, прежде чем в нем загудят немецкие самолеты?

Изабель не могла сказать, сколько она простояла вот так, представляя худшее – вспоминая, как боши поливали огнем беззащитных детей и женщин в Туре, как трава становилась красной от крови.

– Тетя Изабель? – словно издалека донесся тонкий голосок. Она медленно обернулась.

У калитки Ле Жарден стояла милая девчушка. Кожа фарфорово-белая, как у матери, выразительные глаза, издалека казавшиеся угольно-черными, темные, как у отца. Малышка словно сошла со страниц детской книжки – Белоснежка или Спящая красавица.

– Нет, ты не можешь быть Софи, – улыбнулась Изабель. – В прошлый раз, когда я тебя видела, ты... ты сосала большой палец.

– Я до сих пор это иногда делаю, – заговорщически улыбнулась Софи. – Никому не расскажешь?

– Я? Да я самый главный хранитель секретов, – Изабель направилась к девочке, все время повторяя про себя: *моя племянница. Семья.* – А теперь я тоже должна поведать тебе какой-нибудь свой секрет, чтобы все было по-честному?

Софи нетерпеливо кивнула.

– Я могу становиться невидимой.

– Неправда.

В дверях дома появилась Вианна.

– Спроси у мамы. В свое время я сумела сбежать из монастырского подземелья, вылезти через окно и забраться в поезд. И все потому, что умею исчезать бесследно.

– Изабель... – предупреждая начало Вианна.

Софи не сводила замороженных глаз с тетушки:

– Правда?

– Исчезать легко. – Изабель покосилась на сестру. – Когда никто не обращает на тебя внимания.

– Но я смотрю на тебя, – сказала Софи. – Можешь сейчас исчезнуть?

Изабель расхохоталась:

– Ну конечно, нет. Магия должна быть неожиданной. Ты не согласна? А сейчас давай сыграем в шашки?

Восемь

Капитуляция оказалась горькой пилюлей, но ведь маршал Петен – достойный, благородный человек. Герой прошлой войны с Германией. Да, он стар, но Вианна разделяла точку зрения, согласно которой возраст лишь позволяет человеку лучше видеть перспективы с высоты своего опыта. Маршал придумал способ вернуть домой солдат, чтобы не повторились кошмары Великой войны.

Вианна понимала то, чего не могла уразуметь Изабель: Петен подписал капитуляцию, чтобы спасти жизни французов, сохранить нацию и французский образ жизни. Да, условия капитуляции тяжелы: Франция разрезана пополам, разделена на две зоны. Оккупированная Зона – северная часть страны и Атлантическое побережье (включая Карриво) – переходила в руки нацистов. Центр страны, земли к югу от Парижа и до моря становились Свободной Зоной, под руководством французского правительства в Виши во главе с маршалом Петеном, в сотрудничестве с нацистами.

Сразу после капитуляции Франции начали пропадать продукты. Хозяйственное мыло исчезло совсем. На продовольственные карточки особенно рассчитывать не приходилось. Телефонная связь стала ненадежной, как, впрочем, и почта. Нацисты намеренно обрывали контакты между городами и районами страны. Единственный разрешенный вариант почтовых сообщений – официальные немецкие открытки. Но, по мнению Вианны, это не худшая из перемен.

Изабель сделалась абсолютно невыносимой. С того дня, как объявили о капитуляции, Вианна не раз замечала, как сестра стоит у дальних ворот сада и смотрит в небо, словно темный ужас рушится на нее сверху.

Она постоянно твердила только о чудовищной жестокости наци и их намерении стереть Францию с лица земли. Изабель совершенно не может вовремя замолчать, и, поскольку Вианна отказывалась слушать эти бредни, единственной аудиторией оставалась Софи, ее верный паж. Изабель забивала голову несчастной Софи жуткими образами грядущего, и малышку даже мучили ночные кошмары. Вианна старалась не оставлять их вдвоем и сегодня, как и в предыдущие дни, взяла сестру и дочь с собой в город – выяснить, что удастся получить по карточкам.

Вот уже два часа они стояли в очереди к мяснику, и все это время Изабель возмущалась и негодовала. Ей, вероятно, не приходило в голову, что еду приходится покупать.

– Вианна, гляди, – прошептала вдруг Изабель. И еще более страстно: – Вианна. *Да посмотри же.*

Вианна обернулась – просто чтобы сестра отвязалась – и увидела их.

Немцы.

По всей улице с треском захлопывались окна и двери. Люди стремительно скрывались в домах, и в мгновение ока рядом с Вианной остались только дочь и сестра. Опомившись, она схватила Софи за руку и потащила к закрытой двери лавки.

Изабель решительно шагнула на мостовую.

– Изабель! – шикнула Вианна, но сестра даже не обернулась, зеленые глаза на бледном, исцарапанном и покрытом синяками лице пылали ненавистью.

Военный грузовик резко затормозил прямо перед Изабель. В кузове сидели солдаты, небрежно держа на коленях винтовки. Такие молоденькие солдатики, гладко выбритые, в новеньких касках, с сияющими на груди медальками. Да, очень молодые. Никакие не чудовища, просто мальчишки. Вытянув шеи, старались рассмотреть, почему вдруг остановились. Увидев Изабель, заулыбались, приветственно замахали руками.

Вианна все-таки сумела оттащить сестру с дороги.

Колонна проследовала мимо – поток мотоциклов, машин, грузовиков, затянутых маскировочной сеткой. Даже танки прогрохотали по брусчатке. А потом появились солдаты.

Две длинные колонны маршем вошли в город. Изабель дерзко двинулась рядом с колонной, по улице Виктора Гюго. Немцы махали ей и вообще больше были похожи на туристов, чем на захватчиков.

– Мама, не отпускай ее одну, – перепугалась Софи.

– Черт! – Стиснув ладошку Софи, Вианна ринулась следом за сестрой. Они догнали ее только в конце квартала.

Городская площадь, обычно людная, сейчас опустела. Только несколько человек рискнули поглазеть, как немецкие машины останавливаются у здания мэрии.

Появился офицер – по крайней мере, Вианна решила, что это офицер, судя по тому, как он начал выкрикивать приказы.

Солдаты заполнили старинную площадь, нагло утверждая свое присутствие. Они сорвали флаг Франции и вывесили вместо него нацистское знамя: огромная черная свастика на красно-черном фоне. Подняв флаг, замерли по стойке смирно, вскинули правые руки и проорали *Heil Hitler*.

– Будь у меня оружие, – сказала Изабель, – я бы показала им, что мы не сдались.

– Тихо! – всполошилась Вианна. – Нас всех убьют из-за твоего длинного языка. Пошли отсюда.

– Нет. Я хочу...

Вианна резко развернула сестру к себе лицом:

– Довольно. Ты *не посмеешь* привлекать к нам внимание. Ясно тебе?

Изабель бросила еще один полный ненависти взгляд в сторону солдат и все же позволила Вианне увести себя с площади.

Свернув с главной улицы, они через узкий проход в стене пробрались в переулок за галантерейной лавкой. Сюда доносилось пение солдат. Потом раздался выстрел. И еще один. Кто-то вскрикнул.

Изабель застыла на месте.

– Даже не думай, – предупредила Вианна. – *Пойдем*.

Они шли сумрачными переулками, прячась в дверных проемах, едва слышав поблизости голоса. Пришлось довольно долго выбираться из города, но в конце концов они все же оказались на пыльной грунтовке. В полном молчании миновали кладбище и поспешили к дому. Переступив порог, Вианна торопливо захлопнула дверь и тут же заперла ее.

– Ну, ты видишь? – немедленно начала Изабель. Она еле дождалась, когда можно будет устроить скандал.

– Ступай в свою комнату, – велела Вианна дочери. Что бы ни собиралась сообщить Изабель, Софи не стоит этого слышать.

Вианна устало стянула шляпку, поставила на место пустую корзинку. Руки у нее дрожали.

– Они явились сюда из-за аэродрома. – Изабель расхаживала по кухне и гневно рассуждала. – Не думала, что все произойдет так быстро, даже с учетом капитуляции. Я не могла поверить... Надеялась, что наши будут сражаться, несмотря ни на что. А я-то рассчитывала...

– Прекрати грызть ногти. Расковыряешь до крови.

Изабель, мечущаяся по дому с растрепанными длинными волосами, с синяками на лице, выглядела абсолютно безумной.

– Наци *здесь*, Вианна. В Карриво. Их флаг развевается над мэрией, так же как над Триумфальной аркой и Эйфелевой башней. Они не пробыли в городе и пяти минут, как началась стрельба.

– Война уже закончилась, Изабель. Так сказал маршал Петен.

– Война закончилась? *Закончилась?* Ты что, не видела их, с этими флагами, винтовками, с их наглой бесцеремонностью? Надо убираться отсюда, Ви. Хватать Софи и бежать из Карриво.

– Куда?

– Куда угодно. В Лион, например. В Прованс. Как называется городок в Дордони, где мама родилась? Брантом. Мы могли бы отыскать ее подругу, из басков, как ее? Мадам Бабино. Она нам помогла бы.

– У меня от тебя голова разболелась.

– Голова – самая меньшая из твоих проблем. – Изабель вновь принялась мерить шагами кухню.

– Не сходи с ума, – ласково проговорила Вианна, подходя к сестре и обнимая ее. – Ты же не станешь делать глупостей, верно?

Изабель только фыркнула раздраженно, ринулась наверх и громко хлопнула дверью своей комнаты.

Капитуляция.

Это слово преследовало Изабель. Ночью, в тишине гостевой спальни она лежала, уставившись в потолок; досада и бессилие оказались настолько сильны, что мешали мыслить трезво.

Предполагается, что она так и просидит всю войну в этом доме, как беспомощная девочка, будет послушно стирать, мыть полы и судачить с соседками в очереди за продуктами? Будет спокойно наблюдать, как враги вывозят богатства Франции?

Она всегда была одинока и несчастна – по крайней мере, сколько себя помнила. Но никогда – настолько. Застряла в этой деревне, а вокруг ни друзей, ни единомышленников. И ничего не поделаешь.

Впрочем, нет.

Есть кое-что ей по силам. Даже здесь, даже сейчас.

Спрятать ценности.

Все, что пришло в голову. Немцы примутся грабить дома местных жителей, уж в этом-то она не сомневалась, а потом начнут вывозить все ценное. Французское правительство – жалкие трусы – тоже об этом знало, вот почему они вывезли коллекции Лувра, а вместо шедевров вывесили в музее копии.

– Не самый грандиозный план, – пробормотала она себе под нос. Но лучше чем ничего.

На следующий день, когда Вианна и Софи ушли в школу, Изабель приступила к делу, проигнорировав просьбу Вианны сходить в город за продуктами. Она видеть не может этих наци, и нет ничего страшного в том, чтобы денек посидеть без мяса. Изабель перерыла весь дом, открыла шкафы, обшарила комоды и сундуки, даже заглянула под все кровати. Собрав все мало-мальски ценное, она разложила добычу на столе в гостиной. Целая куча фамильных ценностей: кружева, сплетенные прабабушкой, солонка и перечница из чистого серебра, тетушкино блюдо лиможского фарфора, несколько небольших картин в стиле импрессионистов, скатерть тончайшего алансонского кружева, альбомы с фотокарточками, снимок Вианны, Антуана и крошки Софи в серебряной рамке, мамин жемчуг, свадебное платье Вианны и всякое прочее. Изабель затолкала все, что могло уместиться, в кожаный кофр и потащила его во двор. Она волокла свой груз прямо по траве, вздрагивая всякий раз, когда саквояж стучался о камень. Доковыляв до сарая, она вся взмокла и едва переводила дух.

Сарай оказался меньше, чем она помнила. Сеновал – единственное место на свете, где она была счастлива, – стал всего лишь крошечным дощатым балконом под крышей, сквозь которую видно было небо. Сколько же часов она провела здесь в одиночестве, разглядывая книжки с картинками, представляя, что кто-нибудь забеспокоится о ней и станет разыскивать? В ожидании сестры, которая вечно была то с Рашель, то с Антуаном?

Так, долгой воспоминания.

Сарай был не больше тридцати футов шириной. Прадедущка выстроил его, чтобы держать здесь двуколку – у семьи тогда водились деньги, сейчас здесь стоял только старенький «рено». В стойлах свалены детали трактора, какие-то доски и ржавые инструменты.

Изабель оглядела автомобиль. Водительская дверь, скрипнув, с трудом приоткрылась. Она забралась на сиденье, завела мотор, тронулась с места и тут же остановилась.

Вот он, люк в подвал, пять футов в длину, четыре в ширину, из досок, стянутых кожаными ремнями. Вход был практически незаметен, особенно сейчас, присыпанный трухой и лежалой соломой. Изабель приподняла крышку люка, прислонила к помятому бамперу автомобиля и вгляделась в душную темноту подвала.

Придерживая саквояж за кожаные ремни, она включила фонарик, сунула его под мышку и осторожно сползла по деревянной лесенке вместе со своим грузом.

Как и верхнее помещение, это тайное убежище в детстве казалось куда больше. В ширину восемь футов, в длину десять, вдоль одной стены полки, на грязном полу – старые матрасы. Полки изначально предназначались для бочонков с вином, но теперь там пылилась одна керосиновая лампа.

Затолкав саквояж в дальний угол, Изабель вернулась в дом, набрала консервов, одеял, кое-каких лекарств, прихватила отцовское охотничье ружье и бутылку вина, утащила все это в сарай и разложила на полках в подвале.

Выбравшись наверх, она наткнулась на Вианну.

– Что, Бога ради, ты тут делаешь?

– Прячу ваши ценности, – деловито вытирая руки о подол юбки, сообщила Изабель. – И делаю припасы – на тот случай, если придется прятаться от нацистов. Спустишься и глянь. Думаю, я неплохо поработала.

Вианна спустилась за сестрой в темноту подвала, где Изабель, включив фонарь, гордо продемонстрировала еду, лекарства и отцовское ружье.

Но Вианну интересовала лишь материнская шкатулка с драгоценностями.

Брошки, серьги, ожерелья, по большей части бижутерия. Но на самом дне, на синем бархате, – жемчуг, который бабушка надевала в день своей свадьбы и подарила его маме, тоже к свадьбе.

– Вдруг придется когда-нибудь продать, – заметила Изабель.

Вианна решительно захлопнула шкатулку:

– Это фамильные драгоценности, Изабель. На свадьбу Софи – и твою. Я их никогда не продам. – Нетерпеливо вздохнув, она обернулась к сестре: – А что ты раздобыла для нас в городе?

– Я занималась другим делом.

– Ну разумеется. Гораздо важнее спрятать мамин жемчуг, чем накормить ужином племянницу. Нет, ну правда, Изабель... – Вианна, не скрывая раздражения, полезла наверх.

Изабель закрыла подвал, поставила «рено» на прежнее место над люком. Потом спрятала ключи от машины за отломанной доской в стойле. В последний момент вытащила еще крышку распределителя зажигания и спрятала вместе с ключами.

Когда она вернулась в дом, Вианна уже хлопотала в кухне, жарила картошку.

– Надеюсь, ты не проголодалась.

– Нисколько. – Изабель гордо прошла мимо, стараясь не встречаться взглядом с сестрой. – Ах да, я спрятала ключи и крышку распределителя в первом стойле, за отломанной доской.

В гостиной, включив радио, она подседа поближе в надежде поймать новости Би-би-си.

Сначала из приемника доносился только треск помех, а потом незнакомый голос произнес:

– Говорит Би-би-си. Слушайте обращение генерала де Голля.

– Вианна! – прокричала Изабель в сторону кухни. – Кто такой генерал де Голль?

Вианна появилась на пороге, вытирая руки фартуком:

– Что?..

– Тихо! – оборвала ее Изабель.

– ...Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение нашей армии, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить боевые действия.

Изабель застыла на месте, не сводя глаз с деревянного ящичка радио. Человек, о котором они никогда прежде не слыхали, обращался к народу Франции; говорил не от их имени, как Петен, но с ними, говорил страстно и убежденно.

– Это была жалкая отговорка! *Я знала!*

– ...Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные, наземные и воздушные силы противника. Нас вынуждает отступать не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев до такой степени застали врасплох наших руководителей, что ввергли их в то положение, в котором они сейчас находятся. Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

– Бог мой... – прошептала Изабель. Именно этих слов она ждала. Вот оно, ее дело, вот она, борьба, в которой нужно участвовать. Капитуляция не окончательна.

– Что бы ни произошло, – продолжал де Голль, – пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Изабель даже не замечала, как текут слезы. Французы не сдались. И теперь все, что она должна сделать, это ответить на призыв.

Два дня спустя оккупанты приказали всем жителям Карриво собраться на центральной площади. Всем без исключения. И все равно Вианне пришлось до хрипоты спорить с Изабель, убеждая ту пойти. Изабель, как всегда, считала, что общие правила ее не касаются, и полагала, что демонстративное неповиновение выражает ее отношение к захватчикам. Как будто нацистам было дело до дерзкой восемнадцатилетней девицы.

– Стойте здесь, – раздраженно приказала Вианна, когда сумела наконец вытащить Изабель и Софи из дома. Она старательно прикрыла сломанные ворота. Раздался тихий щелчок.

Мгновение спустя на дороге появилась Рашель с малышом на руках, Сара шла рядом.

– Это моя лучшая подруга, ее зовут Сара, – сообщила Софи, внимательно глядя на Изабель.

– Изабель, – издали заулыбалась Рашель, – рада видеть тебя.

– Правда? – усомнилась Изабель.

– Это было давным-давно, – мягко отозвалась Рашель, приближаясь, – мы были молоды, глупы и эгоистичны. Мне очень жаль, что мы дурно обходились с тобой. Не обращали на тебя внимания. Это, наверное, было ужасно обидно.

Изабель потрясенно открыла рот, закрыла. Впервые она не нашла что ответить.

– Пойдемте уже. – Вианна была раздосадована тем, что Рашель сказала то, на что никак не решалась она сама. – Нельзя опаздывать.

Хотя день клонился к закату, стояла жара. В городе они смешались с людьми, что шли и шли по узким улочкам. Магазины не работали, все окна плотно закрыты, несмотря на душное пекло. Витрины по большей части пусты, что неудивительно. Немцы едят неприлично много, но, что еще хуже, они многое оставляют недоеденным на тарелках. Беспардонность и неряшливость – вот что это такое, в то время как матери уже пересчитывают банки с домашними заготовками в кладовках, аккуратно разделяя между детьми каждый драгоценный

кусочек. Повсюду нацистская пропаганда – листовки на всех стенах и витринах. Плакаты, на которых немецкие солдаты ослепительно улыбаются в толпе французских ребятишек; подписи утверждают, что французы радостно приветствуют оккупантов и готовы стать добрыми гражданами рейха.

Приближаясь к ратуше, люди замолкали. На площади стало еще страшнее. Подчиняясь командам, все понурой вереницей тянулись к дверям, около которых стоял караул.

– Не надо туда ходить, – пробормотала Изабель.

Рашель, стоявшая между сестрами, предупреждающе цыкнула.

– Нас же вызвали, – сказала она, нежно похлопывая по спинке малыша, тихо сидевшего у нее на руках.

– Очень убедительная причина смыться отсюда, – возразила Изабель.

– Мы с Софи идем, – отрезала Вианна, хотя должна была признать, что в глубине души ее мучило дурное предчувствие.

– У меня дурное предчувствие, – буркнула Изабель, словно угадав ее мысли.

Мрачной тысяченожкой толпа вползла в парадный зал. Прежде стены его украшали гобелены, остатки роскоши королевских времен, когда долина Луары была охотничьими угодьями монархов, но теперь на стенах красовались полотнища со свастикой, пропагандистские плакаты – *Доверься Рейху!* – и огромный портрет Гитлера.

Под портретом стоял офицер в черной форме, с медалями и железными крестами, в бриджах и начищенных до блеска башмаках. Правый бицепс затянут красной повязкой со свастикой.

Зал заполнился, солдаты закрыли протестующе скрипнувшие двери. Офицер обернулся лицом к собравшимся, вскинул правую руку и громко крикнул:

– *Heil Hitler!*

Толпа что-то невнятно проворчала в ответ. А что они должны были сделать? *Heil Hitler* – нехотя отозвалось несколько человек. В зале отчетливо запахло человеческим потом, сигаретным дымом и ваксой для обуви.

– Я – штурмбанфюрер Вельдт из тайной государственной полиции, гестапо, – с сильным акцентом сообщил человек в черном. – Я здесь для того, чтобы выполнять условия перемирия от имени фатерланда и фюрера. Тем из вас, кто соблюдает правила, неудобств будет немного.

Он выдержал паузу и откашлялся.

– Правила: все радиоприемники сдать нам здесь, в ратуше, немедленно, также все оружие, взрывчатые вещества и боеприпасы. Все исправные транспортные средства будут конфискованы. Все окна должны быть затемнены. В девять вечера – комендантский час. Когда стемнеет – никакого освещения. Мы берем на учет все продовольствие, которое производится здесь или импортируется. – Он помолчал, разглядывая людей, стоящих перед ним. – Не так плохо, да? Мы будем жить мирно и дружно, да? Но вы должны знать. Любое сопротивление, или саботаж, или шпионаж будут пресекаться немедленно и беспощадно. Наказание – смертная казнь.

Он вытащил из нагрудного кармана портсигар, достал сигарету. Закурив, пристально всмотрелся в лица собравшихся, словно запоминая каждого.

– Также, хотя многие из ваших жалких трусливых солдат возвращаются по домам, должен сообщить, что все военнопленные останутся в Германии.

Смущенный шепот, замешательство среди горожан. Вианна взглянула на Рашель, лицо которой даже покрылось пятнами от волнения.

– Марк и Антуан вернутся домой, – упрямо проговорила она.

А штурмбанфюрер продолжал:

– Сейчас можете идти. Я уверен, мы поняли друг друга. Здесь останутся офицеры, до восьми сорока пяти вечера. Они будут принимать вашу контрабанду. Не опаздывайте. И... –

добродушно осклабился он, – не подвергайте свою жизнь опасности, не держите дома радио. Все, что вы сохраните – или спрячете, – мы найдем, а если мы найдем... смерть.

Он произнес это так буднично, с такой милой улыбкой, что страшный смысл просто не укладывался в голове.

Люди некоторое время постояли в нерешительности, не понимая, можно ли уже расходиться. Никто не хотел совершать первый шаг, но потом внезапно все пришло в движение, народ ринулся к раскрытым дверям, наружу, на воздух.

– Ублюдки! – выпалила Изабель, едва они свернули в переулок.

– А я была уверена, что нам позволят оставить оружие. – Рашель раскурила сигарету, глубоко и торопливо затягиваясь.

– Я припрятала оружие, не волнуйся, – во весь голос сообщила Изабель. – И радио тоже.

– Да тише же! – испугалась Вианна.

– Генерал де Голль думает...

– Не желаю слушать этот бред. Мы должны сидеть тихо и не высовываться, пока не вернутся наши мужчины.

– Боже ты мой, – ехидно произнесла Изабель. – Полагаешь, твой муж вернется и все наладит?

– Нет, – отозвалась Вианна. – Уверена, это *ты* все наладишь, вместе со своим генералом де Голлем, о котором никто слыхом не слыхивал до сих пор. Так, пошли. Пока ты строишь планы спасения Франции, мне нужно заняться садом. Пойдем, Рашель. Нам, безмозглым, не место рядом с ними.

Ухватив Софи за руку, Вианна устремилась вперед по улице. Она даже не обернулась проверить, идет ли Изабель следом. Сестра все еще прихрамывала. В нормальной обстановке Вианна, разумеется, держалась бы рядом с Изабель, хотя бы из вежливости, но сейчас она была слишком взбешена, чтобы беспокоиться о таких пустяках.

– Возможно, твоя сестра не так уж не права, – задумчиво сказала Рашель, когда они миновали норманнскую церковь на окраине городка.

– Если ты примешь ее сторону, я вынуждена буду тебя поколотить, Рашель.

– Я просто считаю, что она не во всем не права.

– Только ей этого не говори, – вздохнула Вианна. – Она и так невыносима.

– Она освоит правила.

– Вот *ты* ее и учи. До сих пор она доказывала полную невосприимчивость к доводам рассудка и воспитанию. Она училась в двух пансионах, но так и не умеет ни поддержать беседу, ни промолчать. Два дня назад она, вместо того чтоб сходить в город за продуктами, прятала ценности и устраивала нам убежище в сарае. Просто на всякий случай.

– Мне бы, кстати, тоже надо этим заняться. Не то чтоб у нас было много добра, но...

Вианна сжала губы. Ладно, нет смысла это обсуждать. Скоро вернется Антуан, он найдет управу на Изабель.

У ворот Ле Жарден Вианна попрощалась с Рашель и ее детьми.

– А почему мы должны отдать им наше радио, мам? – спросила Софи. – Оно же папино.

– Мы и не должны. – Изабель неслышно возникла за спиной. – Мы его спрячем.

– Мы его не спрячем, – отрезала Вианна. – Мы будем делать, что велют, будем сидеть тихо. Скоро Антуан вернется домой, а он знает, как правильно поступать.

– Добро пожаловать в Средневековье, Софи, – вздохнула Изабель.

Вианна рывком распахнула ворота, совсем забыв, что беженцы их сломали. Створка повисла на одной петле. Вианне пришлось собрать все свое самообладание, чтобы сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Она решительно прошагала к дому, отперла дверь и сразу же включила свет в кухне.

– Софи, – спокойно сказала она, вынимая булавки из шляпки, – не могла бы ты накрыть на стол?

Вианна не стала обращать внимания на недовольное ворчание дочери. Всего за несколько дней Изабель умудрилась научить племянницу дерзить.

Вианна разожгла плиту и занялась стряпней. Когда картофельный суп с беконом аппетитно забулькал в кастрюле, она уже прибиралась. Изабель, разумеется, куда-то испарилась, когда надо помочь с мытьем посуды. Вианна пустила воду в раковину и, вероятно, так увлеклась хозяйственными заботами, что не сразу расслышала стук в дверь. Поправляя волосы, она прошла в гостиную, где Изабель как раз поднималась с дивана с книгой в руках. Читает, разумеется, пока Вианна готовит и прибирает.

– Ты кого-то ждешь? – встревоженно спросила Изабель.

Вианна отрицательно качнула головой.

– Может, не стоит тогда открывать. Прикинемся, что никого нет дома.

– Это, скорее всего, Рашель.

Новый стук в дверь.

Дверная ручка медленно повернулась, дверь со скрипом отворилась.

Ну конечно, это Рашель. Кто еще может...

В дом вошел немецкий военный.

– О, простить меня, – произнес он, ужасно коверкая согласные. Снял фуражку, сунул ее под мышку, улыбнулся.

Симпатичный парень – высокий, широкоплечий и стройный, светлая кожа, светло-серые глаза. На вид примерно ровесник Вианны. Форма отглаженная и, кажется, совсем новенькая. Под воротником – железный крест. На груди висит бинокль, а талию охватывает кожаный пояс с инструментами. Позади, за деревьями сада, Вианна разглядела мотоцикл. И сбоку коляска с пулеметом.

– Мадемуазель, – обратился он к Вианне, коротко кивнув и одновременно щелкнув каблуками.

– Мадам, – поправила она, надеясь, что прозвучало это гордо и спокойно, но и сама расслышала, как голос дрожит от страха. – Мадам Мориак.

– Я гауптман, капитан, Вольфганг Бек. – Он протянул ей какую-то бумагу и вновь щелкнул каблуками. – Мой французский не слишком хорош. Вы простить мои промахи, пожалуйста. – Когда он улыбался, на щеках проступали глубокие ямочки.

Вианна поднесла бумагу к глазам и нахмурилась:

– Я не читаю по-немецки.

– Что вам надо? – Изабель встала рядом с сестрой.

– Ваш дом очень уютный и очень близко к аэродрому. Я сразу его приметил. Сколько у вас спален?

– Что? – возмущенно спросила Изабель.

– Три, – ответила Вианна.

– Я определен на постой здесь, – сообщил капитан.

– На постой? – удивилась Вианна. – В смысле... жить?

– Да, мадам.

– На постой? Вы? Мужчина? *Наци*? Нет. Нет! – замахала руками Изабель. – *Нет*.

Улыбка капитана сделалась еще шире.

– Вы были в городе, – сказал он, глядя на Изабель. – Я видел вас, когда мы приехали.

– Вы запомнили меня?

– Уверен, каждый парень в моем полку, у которого кровь течет в жилах, вас запомнил.

– Забавно, что вы заговорили о крови.

Вианна ткнула сестру локтем.

– Простите, капитан. Моя младшая сестра иногда довольно строптива. Но дело в том, что я замужем, мой муж на фронте, а дома только мы с сестрой и маленькой дочерью, так что сами понимаете, ваше присутствие здесь не совсем удобно.

– А, так вы предпочитаете совсем освободить дом для меня. Вам это, должно быть, непросто.

– Освободить? – изумилась Вианна.

– Думаю, ты не понимаешь капитана, – заговорила Изабель, пристально глядя прямо в его глаза. – Он переезжает в твой дом, отбирает его у тебя, проще говоря, а эта бумажка – ордер, позволяющий реквизировать все что угодно. Благодаря перемирию Петена, разумеется. Мы имеем право либо уступить ему комнату, либо убираться из дома, не одно поколение принадлежавшего нашей семье.

Офицер явно чувствовал себя неловко.

– Боюсь, что таковы обстоятельства. Многие из ваших земляков оказались перед таким же выбором, боюсь.

– А если мы сейчас уйдем, мы потом сможем получить дом обратно? – спросила Изабель.

– Не думаю, мадам.

Вианна шагнула к офицеру. Вдруг удастся его уговорить?

– Полагаю, мой муж вернется со дня на день. Не согласитесь ли вы подождать, пока он не появится?

– К сожалению, я не генерал. Я простой капитан вермахта. Я подчиняюсь приказам, мадам, а не отдаю их. И мне приказано поселиться здесь. Но вы можете быть уверены, что я джентльмен.

– Мы уйдем, – заявила Изабель.

– Уйдем? – потрясенно оглянулась на сестру Вианна. – Это мой дом. – И обернулась к капитану: – Я могу полагаться на вашу порядочность?

– Безусловно.

Изабель медленно мотала головой.

Вианна понимала, что выбора у нее нет. Она должна позаботиться о Софи, пока не вернется Антуан, а он потом разберется со всеми неприятностями. Он непременно вернется, скоро, ведь перемирие подписано.

– Внизу есть небольшая спальня. Вам там будет удобно.

– Спасибо, мадам, – кивнул капитан. – Я принесу вещи.

Едва за капитаном закрылась дверь, Изабель гневно воскликнула:

– Ты с ума сошла? Мы не можем жить в одном доме с нацистом.

– Он сказал, что он офицер вермахта. Разве это одно и то же?

– Да мне плевать на детали их субординации. Ты не понимаешь, что они намерены здесь устроить, Вианна. А я понимаю, я видела. Мы уйдем. Переедем к соседям, к Рашель. Мы вполне можем пожить у них.

– У Рашель слишком тесно, и вообще я не намерена отдавать немцам свой дом.

На это Изабель нечего было ответить.

Вианна чувствовала, что в горле начинается нестерпимый зуд. Старая нервная болезнь вернулась.

– Можешь уходить, если хочешь, а я дожусь Антуана. Мы капитулировали, он скоро будет здесь.

– Вианна, прошу тебя...

Громко хлопнули ворота. Стук в дверь.

На ватных ногах Вианна подошла к двери, трясущимися руками потянула ручку, открыла.

Капитан Бек стоял на пороге, с фуражкой в одной руке и маленьким кожаным чемоданом в другой.

– Еще раз здравствуйте, мадам, – обратился он к хозяйке, словно его долго не было.

Вианна рассеянно потеряла шею, чувствуя себя удивительно незащищенной под взглядом этого мужчины. И торопливо отступила, приглашая:

– Сюда, герр капитан.

Будто новыми глазами она увидела гостиную, которую обставляли и украшали три поколения женщин ее семьи. Оштукатуренные стены цвета свежее испеченной бриоши, серые каменные полы, покрытые старинными обюссонскими коврами, тяжелая резная мебель, обитая шерстяной и гобеленовой тканью, фарфоровые лампы, красно-золотистые шторы, изящные антикварные вещицы, оставшиеся с тех времен, когда Россиньоли были преуспевающими торговцами. Вплоть до недавнего времени на стенах висели картины, сейчас остались только пустяковые безделушки. Все стоящее спрятала Изабель.

Вианна прошла к маленькой гостевой спальне. Перед закрытой дверью, слева от ванной, пристроенной в двадцатые годы, она помедлила. Офицер дышал ей прямо в спину.

Вианна распахнула дверь. Узкая комнатка с большим окном, серо-голубые шторы спускаются до самого пола. На расписном комод – голубой кувшин и рукомойник. В углу старинный дубовый шкаф с зеркальными дверцами, около двуспальной кровати – ночной столик, а на нем антикварные часы из золоченой бронзы. Повсюду разбросаны вещи Изабель, как будто та собиралась в долгую поездку. Вианна поспешно сгребла одежду и чемодан сестры. Закончив, обернувшись, мучительно пытаясь выдавить улыбку, хотя бы из соображений простой вежливости.

– Не беспокойтесь, мадам, – мягко произнес немецкий офицер, – нам строжайше предписано вести себя вежливо. Моя матушка воспитывала меня тоже в строгости, и, откровенно говоря, ее я боюсь гораздо больше, чем генерала.

Это прозвучало настолько просто и естественно, что Вианна растерялась.

Она не понимала, как следует отвечать этому незнакомому мужчине, который одет, как враг, но при этом похож на обычного парня, каких по воскресеньям встречаешь в церкви. И какова цена неверного ответа?

Он стоял, не двигаясь, на почтительном расстоянии.

– Приношу извинения за неудобства, мадам.

– Мой муж скоро вернется домой.

– Мы все надеемся скоро вернуться домой.

И вновь обескураживающее замечание. Вианна кивнула и вышла из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь.

– Скажи, что он не останется здесь, – набросилась на нее Изабель.

– Сама понимаешь, что останется, – устало проговорила Вианна, убирая волосы со лба. Только сейчас она осознала, что вся дрожит, – Я знаю, как ты относишься к нацистам. Просто постарайся, чтобы он об этом не узнал. Я не позволю тебе подвергать риску Софи из-за твоего детского протеста.

– Детского протеста! Да ты...

Дверь гостевой комнаты отворилась, вынуждая Изабель умолкнуть.

Капитан Бек направился прямо к ним, широко улыбаясь. Но, услышав звук радио из гостиной, остановился.

– Не беспокойтесь, дамы. Я с большим удовольствием отнесу ваш приемник в комендатуру.

– Да что вы? – не удержалась Изабель. – Вы в самом деле считаете это любезностью?

Вианна почувствовала, как в груди все сжалось. Щеки сестры побелели, губы сжались в ниточку, глаза прищурены – в душе ее явно бушует шторм. Изабель смотрела на немца так, словно готова была убить его одним взглядом.

– Ну да. – Он, кажется, несколько смутился. Повисшее молчание его нервировало. – У вас красивые волосы, мадемуазель, – неожиданно выпалил он.

Заметив, как нахмурилась Изабель, уточнил:

– Это же уместный комплимент, да?

– Вы так думаете? – чуть более спокойно выдавила Изабель.

– Очень мило, – улыбнулся Бек.

Изабель молча вышла в кухню и тут же появилась с портновскими ножницами в руках.

Улыбка сползла с лица Бека.

– Вы меня не так поняли?

– Изабель, не смей! – воскликнула Вианна, но сестра уже собирала в кулак свои густые светлые локоны. Злобно глядя в глаза капитану Беку, она одним движением отмахнула длинную русую прядь и протянула ему.

– Нам, должно быть, *verboden* иметь что-либо красивое, не так ли, капитан Бек?

Вианна ахнула.

– Прошу вас, господин офицер. Не обращайтесь на нее внимания. Изабель просто глупенькая дерзкая девочка.

– Нет, – вздохнул Бек, – она в гневе. А в гневе люди часто совершают ошибки на войне и погибают.

– Как и оккупанты! – фыркнула Изабель.

Бек расхохотался.

Изабель издала звук, больше всего похожий на злобный рык, стремительно развернулась и бросилась вверх по лестнице. А потом так хлопнула дверью, что весь дом задрожал.

– Советую вам поговорить с ней прямо сейчас, – сказал Бек. Судя по тому, как он смотрел на нее, они понимали друг друга. – Такие... сцены в неподходящем месте могут быть очень опасны.

Оставив Бека в гостинной, Вианна поднялась наверх. Изабель сидела на кровати Софи и прямо тряслась от злости. Царапины на щеках, на шее напоминали о том, что ей довелось пережить. А теперь еще во все стороны торчали криво обрезанные космы.

Вианна швырнула вещи Изабель на свободную кровать.

– Во имя всего святого, о чем ты вообще думаешь?

– Что убью его во сне, просто перережу горло.

– И ты полагаешь, что никто не станет искать капитана, которого определили сюда на постой? Бог мой, Изабель! – Она глубоко вдохнула, чтобы немного успокоиться. – Я понимаю, что у нас с тобой накопились проблемы, Изабель. Понимаю, что я дурно обращалась с тобой, когда ты была ребенком, – я была слишком молода и напугана, чтобы помочь тебе. А папа обходился с тобой еще хуже. Но сейчас дело касается не только нас с тобой, и ты больше не можешь вести себя как вздорная девчонка. Речь о моей дочери. Твоей племяннице. Мы обязаны защитить ее.

– Но...

– Франция капитулировала, Изабель. Тебе прекрасно известен этот факт.

– Ты что, не слышала генерала де Голля? Он сказал...

– Да кто он такой, генерал де Голль? Почему мы должны его слушать? Маршал Петен – герой и наш вождь. Мы должны доверять правительству.

– Ты что, шутишь, Вианна? Правительство в Виши сотрудничает с Гитлером. Ты что, не осознаешь всей опасности? Петен ошибается. Разве можно слепо идти за лидером?

Вианна медленно села рядом с сестрой, она ее почти боялась сейчас.

– Ты не помнишь прошлой войны. – Она ласково взяла руки Изабель в свои. – А я помню. Я помню, как не возвращались домой отцы, мужа и братья. Помню, как плакали мои одноклассники, когда приходили телеграммы со страшными вестями. Помню мужчин на костылях, как болтались их пустые штанины. И безруких помню, и изуродованных. Я помню, каким папа был до войны – и как он изменился, вернувшись. Он пил, хлопал дверьми, орал на нас, а потом просто замолчал. Я помню рассказы про Верден и Сомму, про миллион французов, погибших в окопах, красных от крови. И зверства немцев как часть той войны. Они были чудовищно жестоки, Изабель.

– Так я об этом и твержу. Мы должны...

– Они были жестоки, потому что мы воевали против них, Изабель. И Петен спас нас от повторения этого кошмара. Он спас нас. Он остановил войну. И теперь Антуан и остальные смогут вернуться.

– Вернуться в мир *Heil Hitler*? – печально усмехнулась Изабель. – «Пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет». Вот что сказал де Голль. Мы должны сражаться как можем. За Францию, Ви. Чтобы она осталась Францией.

– Довольно. – Вианна сидела достаточно близко, чтобы прошептать сестре нежное слово или поцеловать ее, но не сделала ни того ни другого. Спокойно и размеренно она распорядилась: – Ты займешь комнату Софи, а она переселится ко мне. И помни, Изабель, он запросто мог расстрелять нас. *Расстрелять*, и никто нас не спас бы. Не смей провоцировать этого офицера в нашем доме.

Похоже, наконец-то до нее дошло. Изабель вся сжалась.

– Я постараюсь придержать язык.

– Не просто постараешься – ты так и сделаешь.

Девять

Закрыв дверь, Вианна прислонилась к ней, пытаясь успокоиться. Она слышала, как Изабель расхаживает по комнате. Злитесь, наверное, вон даже половицы трещат. Сколько она так простояла, стараясь взять себя в руки? Казалось, несколько часов.

Будь сейчас другое время, она нашла бы в себе силы поговорить с сестрой по-доброму, и, возможно, даже о том, на что так долго не решалась. Она рассказала бы Изабель, как сожалеет, что мало заботилась о ней, как раскаивается. И может, Изабель сумела бы ее понять.

После смерти мамы Вианна оказалась совершенно беспомощна. Когда отец отослал их в этот маленький городок, под присмотр женщины с холодным строгим взглядом, которая не скрывала своего равнодушия к ним, Вианна... совсем упала духом.

В другое время она, может, рассказала бы Изабель, как много у них общего, каким страшным ударом стала для нее мамина смерть, а потом – предательство отца. И о том, как она пришла к нему в свои шестнадцать, счастливая, беременная и влюбленная... а он влепил ей пощечину и грязно обозвал. И как Антуан отшвырнул отца и объявил: «Я женюсь на ней».

И отец ответил: «Отлично, забирай ее. Дом тоже твой. Но заодно тебе придется прихватить и ее вечно вопящую сестрицу».

Вианна прикрыла глаза. Долгие годы она старалась не вспоминать об этом и почти сумела забыть. Да, она поступила с Изабель ровно так же, как отец поступил с ними. И это величайшая вина и ошибка в ее жизни.

Но сейчас не время для врачевания травм. Сейчас она обязана сделать все, что в ее силах, чтобы защитить Софи. Изабель придется просто принять это.

Вздохнув, Вианна направилась вниз – проверить, что там с ужином.

Суп кипел чересчур бурно, она приоткрыла крышку и уменьшила огонь.

– Мадам? Вы прекрасная супница.

Она вздрогнула от неожиданности. Когда он появился? Вианна перевела дыхание, поправила волосы. Он определенно имел в виду нечто иное. Да уж, его французский просто ужасен.

– Благодарю.

– Пахнет очень вкусно. – Он потянул носом. – Можно посмотреть, что вы готовите?

– Пожалуйста. – Оба делали вид, что ее мнение что-то значит. – Обычный картофельный суп.

– Моя жена, к сожалению, не слишком ловка на кухне.

Он стоял рядом с ней, совсем как Антуан, – голодный мужчина с нетерпением дожидается ужина.

– Вы женаты. – Ее странным образом успокоила эта новость, хотя непонятно почему.

– И скоро родится малыш. Мы хотим назвать его Вильгельм. А меня рядом не будет, когда сын появится на свет, и его матери придется в одиночку выбрать ему имя.

Он говорил о таких... человеческих вещах. Вианна чуть повернулась, разглядывая его. Одного с ней роста, и глаза потому оказались вровень с ее.

– Если будет на то воля Господа, мы все скоро вернемся домой, – произнес он.

Он тоже хочет, чтобы все это закончилось.

– Пора обедать, герр капитан. Присоединитесь к нам?

– Почту за честь, мадам. Хотя вас, наверное, будет порадовать, что вечерами я работаю допоздна и буду обедать с офицерами. А еще часто уезжаю на учения. Вы почти не заметите моего присутствия.

Оставив капитана в кухне, Вианна направилась в гостиную накрывать на стол. Там ее поджидала Изабель.

– Ты не должна оставаться с ним с глазу на глаз, – прошипела сестра.

– Вы не можете думать, что я воспользуюсь вашим гостеприимством, а потом... э-э... причину вред? – Капитан неожиданно появился на пороге. – Вот, например, сегодня вечером я принес вино. Отличный «сансер».

– Вы принесли вино, – пробормотала Изабель.

– Как любой нормальный гость, – отозвался он.

О нет, пронеслось в голове Вианны, но она ничего не могла сделать, чтобы удержать Изабель.

– Вы знаете про Тур, герр капитан? – выпалила Изабель. – Как ваши «юнкеры» обстреливали беззащитных женщин и детей, беженцев, как они сбрасывали на них бомбы?

– О? – Лицо у него стало задумчивым.

– Я была там. Видите эти царапины?

– Вот как... – пробормотал он. – Думаю, было очень неприятно.

Зеленые глаза сверкнули. Очень медленно и спокойно Изабель повторила:

– Неприятно.

– Подумай о Софи, – ровным голосом напомнила Вианна.

Стиснув зубы, Изабель натянуто улыбнулась капитану:

– Герр капитан, позвольте я покажу вам ваше место.

Впервые за последний час Вианна смогла перевести дух. И ушла в кухню разливать суп.

Настроение за столом царило мрачное, словно всех накрыло облаком черной копоти. Вианна молча подала еду, нервы ее были на пределе. А за окном садилось солнце, окрашивая розовым все вокруг.

– Не желаете вина, мадемуазель? – обратился Бек к Изабель, наливая себе бокал «сансера».

– Если обычная французская семья не может позволить его себе, герр капитан, и мне оно не доставит удовольствия.

– Возможно, один глоток...

Изабель доела суп и поднялась из-за стола:

– Простите, у меня живот разболелся.

– У меня тоже! – Софи тут же подскочила и поспешила за тетушкой, как щенок за вожак-ком стаи.

Вианна застыла с поднятой ложкой. Они бросили ее наедине с немцем.

Дыхание перехватило. Она аккуратно опустила ложку, вытерла губы салфеткой.

– Простите мою сестру, герр капитан. Она вздорная и своевольная.

– В точности как моя старшая дочь. Когда она подрастет, нас ждут сплошные неприятности.

– У вас есть дочь? – изумилась Вианна.

– Гизела. – Он криво усмехнулся. – Ей шесть, но ее мать уже сейчас с ней не справляется, не может ее заставить делать самое простое – зубы чистить, например. Наша Гизела скорее построит крепость, чем прочтает книжку.

Новости о его семье повергли ее в смятение, подходящий ответ не приходил в голову. Вианна вернулась к еде.

Обед продолжался в полном молчании – по ее вине. Он закончил, поблагодарил:

– Прекрасный суп. Спасибо.

И она тут же принялась прибирать со стола.

Слава богу, он не пошел за ней на кухню. Остался сидеть за столом, пить в одиночестве вино, которое принес, – с легким привкусом осени, груш и яблок.

Когда Вианна закончила мыть посуду, уже стемнело. Она вышла на минутку во двор, постоять в тишине под звездами. По каменной стене сада скользила таинственная тень – наверное, кошка.

Послышались шаги, потом чирканье спички и запах серы.

Вианна вжалась в стену дома, пытаясь слиться с ней. Как бы неслышно прокрасться черным ходом обратно в дом, не привлекая внимания? Но тут под ногой громко хрустнула ветка. Вианна застыла.

Из сада появился капитан:

– Мадам, оказывается, вы тоже любите звездное небо. Простите, что помешал.

Она боялась двинуться.

Он встал рядом, по-хозяйски оглядывая сад:

– Ни за что не подумаешь, что вокруг война.

Голос звучал грустно, и она подумала, что между ними все же много общего, оба они далеко от своих близких и любимых.

– Ваш... главный... он сказал, что все военнопленные останутся в Германии. Что это значит? Это о наших солдатах? Вы же не могли захватить их *всех*.

– Не знаю, мадам. Некоторые вернутся. Многие – нет.

– Ну-ну, прекрасная романтическая минутка, новые друзья мило болтают, – металлом по стеклу прозвенел голос Изабель.

Вианна вздрогнула – в ужасе, что ее застали с немцем, врагом, чужим мужчиной.

Изабель, в платье карамельного цвета, стояла в лунном свете с чемоданом в одной руке и лучшей «довиль» Вианны – в другой.

– Ты взяла мою шляпку, – с трудом выговорила Вианна.

– Она мне понадобится в поезде. Лицо не совсем в порядке после нападения нацистов, – с улыбкой сообщила она Беку. Впрочем, на улыбку это было мало похоже.

Бек любезно поклонился:

– У вас тут семейные разговоры. Я, пожалуй, пойду. – Коротко кивнув, он скрылся в доме, прикрыв за собой дверь.

– Я не могу здесь оставаться, – сообщила Изабель.

– Ерунда. Разумеется, можешь.

– Мне совсем не интересно водить дружбу с врагом, Ви.

– К дьяволу, Изабель. Ты не посмеешь...

– От меня непременно будут неприятности! – с жаром произнесла Изабель. – Рано или поздно. Ты же меня знаешь. Ты сказала, что я должна защитить Софи. Так вот уехать – единственный способ. Я просто взорвусь, если останусь, Ви.

Гнев мигом улетучился, осталась только бесконечная невыразимая усталость. Вот оно, это главное различие между ними. Вианна всегда соблюдает правила, Изабель – вечная бунтарка. Даже в детстве они по-разному переживали горе. После смерти матери Вианна затихла и замкнулась в себе, стараясь не подавать вида, что отцовское отношение ранит ее, а Изабель закатывала истерики, сбегала из дома и требовала внимания к себе. Мама клятвенно уверяла, что в один прекрасный день они станут лучшими подругами. Никогда еще это предсказание не выглядело более несбыточным.

Но сейчас Изабель права. Вианна постоянно тревожилась бы из-за того, что еще ляпнет или выкинет сестра, и, по чести говоря, сил у нее на это не хватило бы.

– Как ты поедешь?

– На поезде. Дам телеграмму, когда доберусь.

– Будь осторожна. Не делай глупостей.

– Я? Ты же знаешь, я на такое не способна.

Вианна крепко-крепко обняла сестру на прощанье и отпустила.

Тьма вокруг была такая, что Изабель не видела собственных ног. И тишина стояла неестественная, тревожная, так что хотелось затаить дыхание. Только у самого аэродрома слышался рокот моторов, мотоциклы и грузовики разъезжали вдоль колючей проволоки, натянутой теперь вокруг складов с оружием.

Внезапно из ниоткуда на дороге возник грузовик с выключенными фарами; Изабель едва успела отскочить в канаву.

В городе дела обстояли не лучше: все магазины закрыты, фонари погашены, окна скрыты затемнением. И повсюду такая жуткая давящая тишина, что ее шаги грохотом разносились по округе. Изабель все острее ощущала, что комендантский час уже наступил, а она его нарушает.

Она юркнула в ближайший переулок и дальше пробиралась, нащупывая пальцами шершавую стену. Заслышав голоса, замирала, пока вновь не воцарялась тишина. На дорогу до станции ушла целая вечность.

– *Halt!*

Окрик прозвучал одновременно со вспышкой яркого белого света. По ту сторону фонаря угадывался темный силуэт.

Немецкий солдат приблизился:

– Девушка, просто девушка. Вы знаете про комендантский час, а?

Изабель медленно выпрямилась, глядя на солдата с решительностью, каковой вовсе не чувствовала:

– Да, я знаю, что нельзя выходить на улицу вечером. Но у меня срочное дело. Мне нужно в Париж. Мой отец болен.

– Где ваш *Ausweis*?

– У меня его нет.

Солдат спустил винтовку с плеча:

– Нет путешествовать без *Ausweis*.

– Но...

– Идти домой, девушка, пока нет пострадать.

– Но...

– *Марш*, пока я не решил вас заметить.

В душе Изабель почти визжала от ужаса. С трудом сумела спокойно отойти от патрульного, не произнеся ни слова.

На обратном пути она уже не пряталась, но всячески демонстрировала свое презрение к комендантскому часу, просто дожидаясь очередного патруля. Ей даже хотелось, чтобы ее остановили, уж тогда она смогла бы выкрикнуть наконец все проклятия, что давно рвались наружу.

Нет, она не сможет так жить. Под одной крышей с нацистом, в городе, который покорился без звука. Вианна не одинока в своем стремлении верить, что Франция не сдалась и не была завоевана. Владельцы магазинов и быстро улыбались немцам, наливали им шампанское и продавали лучшие куски мяса. Крестьяне, деревенщина, просто пожимали плечами и продолжали жить как ни в чем не бывало; о, ну да, они порой недовольно ворчали и даже показывали не в ту сторону, если у них спрашивали дорогу, но этим и ограничивалось их сопротивление захватчикам. Неудивительно, что немецкие солдаты надувались спесью. Они ведь захватили город без единого выстрела. Дьявол, да они сделали это со всей Францией.

Изабель не могла забыть то, что видела в полях под Туром.

Дома она вернулась в свою комнату, бывшую детскую. Вскоре откуда-то потянуло сигаретным дымом, и Изабель вновь едва не заорала от злости.

Он еще и курит! Этот капитан Бек, с его мордой, словно топором вырубленной, с фальшивой улыбкой, он запросто может вышвырнуть их из дома, если пожелает. Даже без всякой

на то причины, просто так. Отчаяние словно уплотнилось и сконцентрировалось, превращаясь в гнев, подобного которому она не испытывала прежде. Внутри будто взведенная бомба. Одно неверное движение или слово – и прогремит взрыв.

Изабель решительно распахнула дверь в комнату Вианны.

– Чтобы уехать из города, теперь нужно специальное разрешение! – почти выкрикнула она. – Эти ублюдки не позволяют нам даже навестить родственников! Без пропуска в поезд не сядешь!

– Значит, теперь так, – прозвучал из темноты спокойный ответ. Непонятно, облегчение или разочарование услышала Изабель в голосе сестры. – Завтра пойдешь в город. Постоишь в очередях, пока я на работе, и купишь хоть что-нибудь.

– Но...

– Никаких «но», Изабель. Ты остаешься здесь. Пора и тебе заняться делом. Я должна быть уверена, что на тебя можно положиться.

Всю следующую неделю Изабель изо всех сил старалась вести себя хорошо, что было настоящей пыткой, раз этот бош живет с ними под одной крышей. Она почти не спала ночами, лежала в темноте, воображая самое страшное.

Этим утром, задолго до рассвета, она решила бросить тщетные попытки уснуть и встала. Умылась, натянула простое хлопковое платице, повязала голову платком.

Вианна сидела в гостиной на диване, вязала при свете лампы. В полутьме лицо ее выглядело бледным и болезненным, она наверняка тоже не спала на этой неделе.

– Ты сегодня рано, – подняла она удивленный взгляд на Изабель.

– У меня впереди долгий день в очередях. Имею право начать пораньше. Первому достаются лучшие кусочки.

Вианна отложила вязанье, поднялась. Расправив платье (еще одно напоминание, что *он* живет в этом доме: никто больше не спускался в гостиную в халате или ночной рубашке), она сходилa в кухню за продовольственными карточками.

– Сегодня мясо.

Взяв карточки, Изабель вышла из дома.

Медленно вставало солнце, освещая этот странный мир внутри мира, – на вид привычный Карриво, но на деле абсолютно чужой. Когда Изабель шла мимо аэродрома, ее обогнала маленькая зеленая машина.

Гестапо.

На аэродроме уже всю суеутились люди. Она разглядела четырех караульных – двое у новых ворот, еще двое – у входа в здание. Нацистские флаги колыхались под легким утренним ветерком. Несколько самолетов готовились к взлету – сбрасывать бомбы на Англию и остальную Европу. Группа солдат промаршировала на фоне надписи VERBOTEN! НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ!

Изабель прошла мимо.

Перед лавкой мясника уже стояли четыре женщины. Она пристроилась в хвост очереди.

Вот тут-то она и заметила кусок мела, валявшийся на мостовой. И мгновенно сообразила, для чего он понадобится.

Изабель огляделась, не смотрит ли кто. Да кому она интересна, когда повсюду немцы? Мужчины в форме расхаживали по городу важно, как павлины, скупая все, на что упадет взгляд. Шумные, хохочущие во все горло по малейшему поводу. Неизменно вежливые, они открывали двери перед дамами и приподнимали фуражки, но Изабель не проведешь.

Она быстро наклонилась, сжала мел в кулаке, а потом сунула в карман. Само присутствие его будоражило кровь, и Изабель даже начала нетерпеливо пристукивать ногой в ожидании, когда же подойдет ее очередь.

– Доброе утро. – Она протянула карточку жене мясника, усталой женщине с жидкими тоненькими волосами и еще более тонкими губами.

– Свиная голяшка, два фунта. Все, что осталось.

– Кости?

– Все хорошее мясо забирают немцы, мадемуазель. Вам еще повезло. Французам *verboten* продавать свинину, как известно, но голяшку эти не пожелали. Так вы берете или нет?

– Я возьму, – сказала дама сзади.

– И я! – выкрикнула другая.

– Беру, – быстро согласилась Изабель и получила маленький сверток, перетянутый бечевкой.

С другой стороны улицы доносился топот тяжелых сапог по брусчатке, грохот сабель в ножнах, мужской смех, мурлыкающие голоса француженек, согревающих постели оккупантов. Троица немецких солдат устроилась за столиком кафе напротив.

– Мадемуазель, – махнул ей рукой один, – идите выпить кофе с нами.

Стиснув ручку корзинки, Изабель поспешила прочь. Скользнула за угол в извилистый переулок, узкий, как, впрочем, все переулки в городке – такие узенькие, что казались тупиками. Местные жители ориентировались в них столь же ловко, как лодочник в рукавах болотистой реки. Изабель торопилась, никем не замеченная.

Плакат на закрытой галантерейной лавке: горбатый старик с огромным крючковатым носом, по виду злобный и жадный, держит в руках кошелек, а позади – кровавый след и мертвые тела. Изабель остановило слово *Juif*, написанное крупными буквами.

Да, конечно, нужно пройти мимо. Да, это всего лишь пропаганда, неуклюжая попытка врага обвинить евреев во всех бедах этого мира, включая и развязывание войны.

Но все же.

Стремительный взгляд по сторонам. В пятидесяти футах слева рю Ла Гранд, главная улица города, но справа переулок резко поворачивает.

Убедившись, что горизонт чист, Изабель вытащила из кармана кусочек мела и вывела на плакате огромную V перечеркивая как можно больше слов.

Кто-то схватил ее за руку с такой силой, что Изабель вскрикнула. Мел выпал, стукнулся о мостовую и закатился в щель между камнями.

– Мадемуазель! – Мужчина грубо толкнул ее, прижимая лицом к плакату, так что она не могла разглядеть, кто ее схватил. – Вам что, неизвестно, что это *verboten*? И карается смертью?

Десять

Прикрыв глаза, Вианна мысленно произнесла: «Возвращайся скорей, Антуан».

И это все, что она себе позволяла, – коротенькую молитву. Разве она сможет справиться со всем сразу – с войной, с капитаном Беком, с Изабель – в одиночку?

Хотелось помечтать, что мир вовсе не перевернулся вверх тормашками; что закрытая дверь гостиной комнаты не означает ничего особенного; что Софи сегодня спала рядом с Вианной просто потому, что они зачитались накануне; что Антуан этим росистым утром ушел колоть дрова на зиму, до которой уже недолго. А скоро он вернется со словами: «Ну что ж, я пошел разносить почту». И может, расскажет о таинственном штемпеле на письме из Африки или Америки, придумает целую романтическую историю.

Она уложила вязанье в корзинку около дивана, сунула ноги в башмаки и пошла во двор колоть дрова. Скоро и в самом деле наступит осень, а затем и зима, и разоренный беженцами сад напоминал, насколько хрупко их благополучие. Топор поднимался и опускался, удар за ударом.

Взять полено. Поднять. Поставить. Удар.

Каждый взмах топора дрожью отзывался в руках, мышцы болели, плечи ныли. Пот каплями выступал на лице, даже волосы взмокли.

– Позвольте мне, пожалуйста, сделать это для вас.

Топор на полпути застыл в воздухе.

Капитан Бек, в бриджах, ботинках, без рубахи, в одной тонкой белой майке. Щеки порозовели после бритья, светлые волосы еще влажные. Несколько капель на майке.

Вианна вдруг почувствовала себя неловко в домашнем платье, рабочих башмаках, с небрежно заколотыми волосами. Она опустила топор.

– Есть работа, которую должен делать мужчина. Вы слишком хрупкая, чтобы колоть дрова.

– Я справляюсь.

– Конечно, справляетесь, но зачем? Ступайте, мадам. Присмотрите за дочерью. Я вполне могу сделать для вас такой пустяк. Иначе матушка выпорет меня ремнем.

Надо бы продолжать, но она отчего-то не могла. Вианна инстинктивно попыталась удержать рукоять, но он осторожно вынул топор из ее руки.

Глаза их встретились.

Она отпустила топор и отшатнулась так стремительно, что споткнулась. Он удержал ее, подхватив за талию. Пробормотав благодарность, она удалилась, гордо выпрямив спину. Потребовалось все самообладание, чтобы не броситься бегом. Но, взявшись за дверную ручку, она чувствовала себя так, словно мчалась от самого Парижа. Сбросила тяжелые башмаки, которые пролетели по коридору и грохнулись с глухим стуком на пол. Последнее, что ей нужно, так это любезность со стороны человека, вторгшегося в ее дом.

Шваркнув дверью, она ушла в кухню, разожгла плиту и поставила кастрюлю с водой на огонь. Подойдя к лестнице, крикнула Софи, чтоб та поскорее спускалась завтракать.

Пришлось звать дважды, а потом еще и пригрозить, прежде чем Софи соизволила сползти вниз. Волосы растрепаны, лицо мрачное и недовольное, и опять надела платье-матроску. За десять месяцев, что Антуана нет дома, она успела из него вырасти, но упорно продолжала носить.

– Я готова, – пробурчала она.

Шаркая ногами, подошла к столу.

Вианна поставила перед дочерью тарелку с кукурузной кашей. Сегодня утром хотелось пошиковать, и она добавила ложку консервированных персиков.

– Мам, ты что, не слышишь? Кто-то стучится.

Вианна растерянно мотнула головой (она сейчас слышала только стук топора) и метнулась к двери.

На пороге стояла Рашель с малышом на руках, с другой стороны к матери прижалась Сара.

– Ты собираешься вести урок в бигуди?

– О! – Вианна совсем растерялась. Да что с ней такое? Сегодня же последний учебный день перед каникулами. – Софи, пойдем скорее, мы опаздываем.

Метнулась обратно, прибрала со стола. Софи дочиста вылизала тарелку, так что Вианна просто положила ее в раковину – можно помыть и позже. Накрыла крышкой кастрюлю с остатками каши, убрала персики и помчалась вверх переодеться. В мгновение ока сняла бигуди, расчесала волосы, схватила шляпку, перчатки, сумочку и поспешила к Рашель и детям, которые дожидались ее в саду.

Капитан Бек стоял у сарая, майка взмокла и прилипла к телу, сквозь влажную ткань стали заметны волосы на груди. Топор он небрежно забросил на плечо.

– А, привет, – радостно улыбнулся он гостям.

Рашель внимательно изучала немца.

Бек растерянно опустил топор.

– Это ваша подруга, мадам?

– Рашель, – сдержанно представила Вианна. – Моя соседка. Капитан Бек. Он... он остановился у нас.

– Привет, – повторил Бек, вежливо кивая.

Вианна тихонько подтолкнула Софи в спину, и они все вместе выбрались на дорогу через заросли высокой травы.

– А он симпатичный, – заметила Рашель, когда они проходили мимо аэродрома. За оградой из колючей проволоки царила суeta. – Ты мне об этом не сказала.

– Что, правда?

– Уверена, ты не можешь этого не замечать, даже странно, что переспрашиваешь. А как он вообще?

– Немец.

– Солдаты, которые квартируют у Клер Моро, похожи на сардельки с ногами. Пьют как лошади и храпят как свиньи. Думаю, тебе повезло.

– Это тебе повезло, Рашель. К тебе в дом никто не вломился.

– Хоть какое-то воздаяние за нищету. – Она подхватила Вианну под руку: – Не убивайся ты так. Я слышала, у них приказ вести себя «корректно».

– На прошлой неделе, – Вианна печально посмотрела на подругу, – Изабель отрезала себе волосы на глазах у капитана и заявила, что красота для французов должна быть *verboten*.

– Ух ты. – Рашель не смогла скрыть улыбку.

– Не смешно. Нас всех расстреляют из-за ее характера.

Улыбка Рашель погасла.

– Ты не могла бы с ней поговорить?

– Поговорить-то я могу. Да только когда она кого-нибудь слушала?

– Вы делаете мне больно, – возмутилась Изабель.

Мужчина оторвал ее от стены и стремительно поволок по улице, она едва поспевала за ним. Когда, споткнувшись, она едва не упала, он резко дернул ее вверх и ухватил еще крепче.

Думай, Изабель. Он не в форме, значит, из гестапо. Плохо дело. И он видел, как она испортила плакат. Это считается саботажем или шпионажем? Или, может, сопротивлением немецкой оккупации?

Но это же не подрыв моста и не передача военных секретов англичанам.

Я просто художница... хотела подрисовать вазу с цветами... Никакая не V а просто вазочка. И не сопротивление вовсе, а всего лишь маленькая дуручка рисует на единственной бумаге, которую сумела разыскать. Я никогда в жизни не слышала о генерале де Голле.

А если они не поверят?

Мужчина остановился перед дубовой дверью с металлическим молотком в форме львиной головы. Стукнул четыре раза.

– К-куда вы меня ведете? Это что, черный ход в штаб-квартиру гестапо?

О допросах в гестапо ходили жуткие слухи. Говорили о пытках и издевательствах, но наверняка никто ничего не знал.

Дверь медленно отворилась, в проеме показался пожилой мужчина в берете. В толстых губах торчала самокрутка. Увидев Изабель, он нахмурился.

– Открывай! – прорычал тот, что притащил Изабель, и старик отступил с дороги.

Изабель втолкнули в прокуренную комнату. Дым стоял такой, что у нее глаза заслезились. Она узнала лавку, где торговали всякими мелочами, пуговицами, нитками, – ее недавно закрыли. Сквозь клубы сигаретного дыма Изабель разглядела пустые прилавки, сдвинутые к стенам; в углу приткнулась металлическая вешалка для шляп. Большое окно заколочено досками, а дверь, выходящая на рю Ла Гранд, изнутри забаррикадирована.

В комнате их ждали еще трое: высокий седеющий мужчина, одетый в какие-то лохмотья, стоял в углу; тут же сидел парнишка, а за кофейным столиком устроился симпатичный парень в рваном свитере, поношенных штанах и стертых башмаках.

– Кто это, Дидье? – спросил старик, открывший им дверь.

Изабель наконец-то посмотрела на своего похитителя. Высокий здоровяк, похожий на циркового силача, с мощным тяжелым подбородком.

Она выпрямилась, расправила плечи, чтобы казаться повыше, вскинула голову. Изабель понимала, что выглядит не слишком воинственно в своем простеньком ситцевом платье, но не собиралась доставлять им удовольствие, показывая свой страх.

– Застукал ее, когда мелом малевала V на немецких плакатах, – сообщил здоровяк Дидье. Изабель стиснула кулак, пытаясь стереть следы мела, пока никто не заметил.

– Что скажете? – поинтересовался мужчина из угла. Главный, наверное.

– Нет у меня мела.

– Я видел.

– Вы не немцы! – Изабель решила использовать шанс, обращаясь к силачу. – Вы же французы, держу пари. А вы, – обернулась она к старику, – вы же мясник. – Мальчишку она решила игнорировать, но с жаром заговорила с парнем в поношенном тряпье: – Вы кажетесь изможденным и голодным, на вас одежда старшего брата или чья-то еще, уже выброшенная. Вы коммунист.

Он улыбнулся и сразу преобразился.

Но больше всего ее тревожил мужчина в углу. Главный.

Изабель решительно шагнула к нему:

– Вы похожи на арийца. Наверное, силой привели сюда остальных.

– Я знаю его всю свою жизнь, мадемуазель, – сказал мясник. – Воевал вместе с его отцом – и вашим – на Сомме. Вы ведь Изабель Россиньоль, да?

Изабель молчала. Это что, какая-то ловушка?

– Молчит, – усмехнулся коммунист. Поднявшись, он подошел к Изабель: – Молодец. Зачем вы нарисовали V на плакате?

Изабель вновь не нашла что ответить.

– Я Анри Наварра. – Он остановился на расстоянии вытянутой руки. – Мы не немцы и не сотрудничаем с ними, мадемуазель. – Многозначительный взгляд. – Не все французы покорны и беспомощны. Итак, зачем вы портили немецкие плакаты?

– Ничего больше не могла придумать, – пролепетала она.

– В смысле?

– Я слышала речь де Голля по радио.

Анри коротко глянул на старика. Изабель заметила этот безмолвный стремительный диалог и окончательно убедилась, что главный здесь симпатичный коммунист Анри.

Тот снова повернулся к Изабель:

– Если бы вы могли сделать что-то еще... более существенное, вы бы решились?

– Что вы имеете в виду?

– В Париже есть человек...

– Точнее, группа людей, из Музея Человека... – поправил здоровяк.

– Мы не говорим больше, чем нужно, Дидье, – предупреждающе вскинул руку Анри. – Итак, этот человек, рискуя жизнью, издает памфлеты, которые мы можем распространить. Надо растормошить французов, тогда у страны появится шанс.

Анри достал из кожаной сумки, висевшей на спинке стула, пачку бумаг. В глаза бросался заголовок: «Да здравствует генерал де Голль!» Сам памфлет – это открытое письмо маршалу Петену с критикой капитуляции. И финальная фраза: «Мы поддерживаем генерала де Голля».

– Ну как? – тихо спросил Анри, и в его вопросе Изабель услышала тот самый призыв к оружию, которого так долго ждала. – Возьметесь распространять листовки?

– Я?

– Мы все коммунисты и радикалы, – пояснил Анри. – Нас они уже знают. А вы обычная девушка. И очаровательная. Вас никто не заподозрит.

Изабель не колебалась ни секунды:

– Да, я согласна.

Мужчины наперебой принялись ее благодарить, но Анри заставил всех замолчать.

– Этот парень, издатель, рискует жизнью, сочиняя и набирая текст, кто-то еще рискует жизнью, печатая листовки. Мы рискуем, привозя их сюда. Но вас, Изабель, могут схватить, когда вы будете их расклеивать. Не ошибитесь. Это вам не рисовать мелом на плакате. Это карается смертью.

– Меня не поймают, – заверила Изабель.

– Сколько вам лет? – улыбнулся Анри.

– Почти девятнадцать.

– А. И как это такое юное создание сумеет спрятать листовки от родных?

– Семья – не проблема. Они не обращают на меня внимания. Но... в нашем доме остановился на постой немецкий офицер. А мне придется нарушать комендантский час.

– Это будет нелегко. Пойму, если вам страшно. – Анри уже сомневался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.